Глубинные течения [Океан инволюции]

Брюс Стерлинг

SHOUT
SHARE
IT

- Брюс Стерлинг
  - 1. Средство от невезения
  - 2. В путь!
  - 3. Беседа с наблюдателем
  - 4. Нечаянное открытие
  - 5. Ложь
  - 6. Буря
  - 7. Арнар
  - 8. Путешествие продолжается
  - 9. Новая беседа с наблюдателем
  - 10. Летучие рыбы
  - 11. Утес

Брюс Стерлинг
Глубинные течения

1. Средство от невезения

Каждый из нас по-своему борется с пустотой собственного бытия: иные прибегают к искусству, другие ищут спасения в религии, третьи забивают ее знаниями… Я же привык делать это с помощью наркотиков.

Оттого-то меня, имевшего за плечами лишь рюкзак с барахлом, и угораздило очутиться среди китобоев на диком Сушняке.

Сушняцкий пылевой кит — единственный источник наркотика, именуемого синкопин. Сей примечательный факт со временем получил довольно широкую огласку. В свой черед узнав об этом, я, Джон Ньюхауз, стал одним из десяти жителей дома 488, что по улице Благочестия в Острове-на-Взводе, крупнейшем городе Сушняка. Жилище наше, двухэтажную жестяную халабуду, мы называли не мудрствуя: «Новый Дом». Помимо несушняцкого происхождения нас объединяло только одно: Пламя (так называли синкопин посвященные).

Все мы были людьми, или достаточно точными оных подобиями. Первым среди нас назову седовласого Тимона Хаджи-Али. Тимон никогда не распространялся о своем возрасте, но с первого взгляда было ясно, что он уже пересек ту черту, за которой подсознательное стремление к смерти берет верх над привычным инстинктом самосохранения. Прежде он охотно толковал о своем давнем, бывшем несколько веков назад, знакомстве с Эрикальдом Свобольдом, легендарным первооткрывателем синкопина. Ныне же старик полностью отдался хандре и год за годом пропускал сеансы омоложения. Ему достаточно было сжечь остаток своих дней и с трудом накопленных богатств, позволив нежным языкам Пламени разгонять подступившую мглу. Вместе с тем он оставался самым состоятельным среди членов нашей группы, а потому служил авторитетом во всем, что касалось ее внутренних дел.

Следующей в списке стоит прямая как палка Агатина Брант — крупная, мускулистая дама, походившая на отставного офицера и до угрюмости неразговорчивая. Неясно было, какой из бесчисленных армий человечества принадлежала поношенная, но безупречно чистая униформа, с которой она никогда не расставалась. Сама Агатина по этому поводу хранила молчание, но я подозреваю, что она собственноручно сшила ее. Пристрастилась она особенно сильно.

Три и четыре — супружеская чета: мистер и миссис Андайн. Ее девичья фамилия — Стюарт; его (если можно так выразиться)

— Фостер. Они тоже были очень стары, это угадывалось по выспренности манер и случайным архаизмам в речи. Приятная пара, если закрыть глаза на бочкообразные грудные клетки и безвкусные бриллианты, вживленные в тела. По поводу и без повода они не уставали повторять, что пережили множество разводов не для того, чтобы испытать боль еще одного и потому твердо решили совершить совместное самоубийство, желательно от передозировки. Пару раз я чуть было не посоветовал им попробовать какую другую отраву, не синкопин, но это, понятно, было бы явным вторжением в их личную жизнь. Пятым из нашей братии упомяну поэта Саймона. Косметическая хирургия сделала из него этакого рубаху-парня, только глаза отчего-то вышли разноцветными. Пытаясь, как он выразился, «вернуться к корням», Саймон раздобыл некий примитивный струнный инструмент и пытался научиться играть на нем, дабы после аккомпанировать собственным произведениям. Стены его комнаты на втором этаже пришлось обить звукоизоляцией. Синкопин, говорил он, стимулирует мозг. С этим никто не стал бы спорить.

Саймона сопровождала Амелия — цыпочка с забранными в два пучка каштановыми волосами. Отец у нее был крупным ученым и присылал столько денег, что хватало и ей, и ее псевдомузыкальному дружку. Прежде чем попробовать синкопин, она прожила с нами не меньше месяца, но теперь понемногу втягивалась. Номер семь — Дейлайт Маллиган, нейтрал — очаровательный собеседник с речью, свидетельствовавшей о широчайшем кругозоре. Мы могли бы стать друзьями, если бы оно не страдало жестокой паранойей в отношении всех не обделенных органами размножения. Само-то Дейлайт, конечно, было аккуратно клонировано, и, следует признать, имело основания для своих подозрений: для обоих полов оно обладало определенной сексуальной привлекательностью. Частенько оно предавалось черной меланхолии, будто мучимое виной перед кем-то: старый Тимон поведал мне однажды, что это из-за двойного самоубийства супружеской пары, дейлайтовых друзей, которые то ли хотели, то ли пытались склонить «его» к прелюбодеянию. Может так все и было, а может и нет.

Восьмой была очень высокая и бледная женщина с неизменными кругами вокруг глаз — Квейд Альтман. Она родилась на планете с силой тяжести в два раза меньшей, чем на Сушняке (или Земле, это все равно) и достигла роста в восемь футов. Постоянно жалуясь на мигрень, она все время пролеживала за трехмерной мозаикой. Девятой, предпоследней в этом импровизированном списке, находится моя, в то время, подружка — Миллисент Фаркар. Невысокая, курносая,

рыженькая, скорее пухленькая, чем стройная. Встретились мы за год до того на Мечте, как раз перед поездкой на Сушняк: после одной особенно отвязной вечеринки я проснулся в ее постели. Нас вроде уже представляли друг другу, но имена сразу забылись, и наше повторное знакомство оказалось более чем приятным. Следующий год прошел в состоянии, близком к идиллии.

И, наконец, я, Джон Ньюхауз. Мне хотелось бы, чтобы вы понимали: сегодняшний я и герой этого повествования — не одно и то же лицо. Человеческая сущность изменчива, жизнь не стоит на месте; если не считать теперь уже смутных воспоминаний, у меня нет ничего общего с тем, кто называл тогда себя моим именем.

Тот Джон Ньюхауз был сыном купца с планеты Баньян и получил лучшее из возможных в такой глуши образование. По политическим соображениям и из простого тщеславия я говорил всем, что родом с Земли. Как и на большинстве сектантских планет, на Сушняке все терранское пользовалось особым уважением. И весьма кстати. Рост мой — пять футов и десять дюймов, волосы темные и начали редеть на затылке, но это я признавать отказывался. Пробор слева. Глаза тоже темные, на левом — сероватое пятно, вроде катаракты (я капнул туда однажды по чьему-то недоброму совету синкопина). Из-за постоянного сидения в четырех стенах я был бледноват, но опыт подсказывал, что это легко поправить. Нос слишком крючковат, чтобы быть красивым. Должен признаться, я был изрядный франт и особенно любил носить кольца, нередко по пять штук сразу; их у меня имелось десятка два. Было мне тогда тридцать пять… прошу прощения, милостивый читатель, если я еще не поклялся говорить только правду — сорок три стандартных года. Имени отца моего я не назову. Фамилию «Ньюхауз» я позаимствовал у своего жилища, как некогда принято было на Земле. До отправки в рейс я зарабатывал себе на жизнь, поставляя синкопин старым друзьям на Мечте. Занятие не столько прибыльное, сколько увлекательное. В свободное время я разрабатывал более дешевые и действенные способы извлечения синкопина из исходного сырья — жира. Хорошо было, можно сказать — рай земной. А потом все рухнуло. Ширившаяся торговля синкопином не осталась незамеченной. Конфедерация — на ладан дышащее содружество миров — издала соответствующий указ, Сушняк услышал и, что попросту невероятно, подчинился.

Печальную новость принес наш поставщик, сушнец Андару, бывший китобой. То, что он называл «рыбьим жиром», доставалось нам за символическую плату: другого применения данный продукт не находил — жир не горел, а сами сушнецы

отказывались употреблять его в пищу, считая ядовитым. Ну и дурачье, радовались мы. В семнадцатый день десятого месяца того года в дверь постучали и я пошел открывать.

— Это Андару, — гаркнул я в кухню, где в это время обедали остальные.

— Вот и славно! Здорово!! Просто замечательно!!! — как обычно, известие об очередном галлоне подняло настроение всей компании.

— И с ним кто-то еще, — добавил я тише, когда из-за спины сушнеца выглянул молодой блондин с острым носом и протянул мне руку:

— Привет. Я Дюмонти Калотрик, для вас просто Монти, — жизнерадостно представился он. — Только с орбиты, прослышал тут о широких возможностях, ну вы понимаете… — он подмигнул и прижал большой палец к указательному так быстро, что Андару ничего не заметил. — Побродил по округе, встретил ваших друзей, решил присоединиться к ним или даже вас разыскать, — лицо его вдруг отразило полную растерянность, — а может и совета спросить…

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил я. — Погодите, вы уже обедали?

— Да, — отозвался сушнец.

— А я еще нет, — возразил Калотрик.

— Раз так, прошу сюда. Берите тарелку и знакомьтесь со всеми. А мы с нашим старым другом пока займемся делами.

— Весьма признателен, мистер… э-э-э…

— Ньюхауз, — помог я, подталкивая его к столу.

— А ты не будешь, Джон? — забеспокоился Андару.

— Я уже поел, — соврал я. — Сегодня готовила Агатина Брант, и один вид ее кулинарной ереси вызывал у меня несварение. Лично я всегда гордился собственным мастерством в том, что на Земле называют le good cuisine.

— Сколько принесли? — спросил я.

— Галлон, как обычно. Но, боюсь, больше не будет.

— Как же так? — расстроился я. — Это крайне неприятная новость, Андару. Вы покидаете наш бизнес?

— Придется. Теперь это незаконно.

Кровь застыла у меня в жилах:

— Кто вам сказал такое?

— Конфедерация. Вчера услышал в новостях.

— Конфедерация? — потерянно переспросил я.

— Вот-вот, тощие такие парни — летают меж звезд и учат всех жить.

— Да они же не имеют права вмешиваться во

внутрепланетные дела!

— Ну, они, это… обратились к Сушняку с предложением.

— И Сушняк его принял!?

— А почему нет? Как я понимаю, мы ничего не теряем, если не ссоримся с Конфедерацией.

У меня мелькнула слабая надежда:

— Но вам-то, дорогой друг, похоже, есть что терять…

— Правда твоя, — признался он, — кабы они еще не сказали, что из этого рыбьего жира кое-кто повадился делать наркотики!

— Быть того не может! — изумился я. Эти буколические сушнецы просто понятия не имели о злоупотреблении сильнодействующими веществами, их познания ограничивались табаком и дешевым пивом.

— Очень вкусно! Бесподобно! — донеслись из кухни восторги Калотрика. Я поморщился.

— Выходит, этот галлон последний.

— Так и есть. Все мои приятели тоже сворачивают лавочку.

— Не хотят нарушать закон?

— Ясное дело — это ж грешно.

Я знал, что давить на сушнеца бесполезно. Кроме того, у него, как и у всех местных, имелось врожденное отвращение к воде, а мои ноздри не обладали густой растительностью, способной задержать оскорбительные запахи.

— Сколько с меня?

— Монум и тридцать шесть пеннигов.

Требуемая сумма перекочевала в его мозолистую ладонь, мы обменялись знаками взаимной приязни, я проводил его до двери, и он ушел. Затем я медленно опустился на диван из жесткой китовой шкуры, дабы обмозговать услышанное. До смерти захотелось произвести небольшой залп Пламенем, но, в отличие от некоторых, мне удается сдерживать внезапные порывы.

— Кончайте со жратвой и давайте сюда, — позвал я, — нам надо поговорить!

Поставив банку на колени, я откупорил ее, понюхал (как всегда — высший сорт) и вернул крышку на место.

Все собрались минуты через три.

— Дурные вести, — сообщил я, — Конфедерация объявила Пламя вне закона, Сушняк с ними заодно. Это… — я похлопал по банке — последняя. Лица вытянулись у всех одновременно. Душераздирающее зрелище. Мы повернулись к Тимону, ожидая совета.

— Я… — начал было тот.

— Оппаньки! У меня как раз есть немного при себе, предлагаю всем угоститься, — непринужденно перебил Калотрик,

извлекая из нагрудного кармана клетчатого пиджака пластиковый пакет, а из-за пояса — пипетку, и не успел он ее наполнить, как все устроились вокруг него прямо на ковре.

— Стоит с большим вниманием отнестись к тому, что осталось, — нахмурился Тимон.

— Раз сушнецы прекращают поставки, надо посылать за товаром одного из нас. Прямо к источнику. К киту.

— Браво, Тимон! — захлопало в ладоши Дейлайт Маллиган. Потом приняло от миссис Андайн пипетку и прыснуло себе на язык.

— И кого же? — срывающимся голосом поинтересовалась Квейд Альтман.

— Женщины не в счет, — заявила миссис Андайн. — Я слышала, китобои их и на борт не пускают.

— Но это ведь значит, что добровольцу придется совершить полную ходку, — сообразил Саймон, как только его мозг получил достаточную стимуляцию.

— Верно, — кивнул Тимон. — А рейсы иной раз длятся до шести месяцев. Надо поскорее выбрать кого-то, ибо к концу срока многим может стать неуютно. — Саймон и Амелия испуганно переглянулись, мистер и миссис Андайн взялись за руки.

— Предлагаю Джона Ньюхауза, — подала голос Агатина Брант. Все вздрогнули — говорила она нечасто.

— Тянем жребий! — быстро парировал я.

— Джон, вы самый подходящий кандидат, — с явным облегчением возразил мистер Андайн. — В вас есть настойчивость, присущая только юности.

— А у вас есть опыт, приходящий с годами, — защищался я. — Несомненно, это более ценное качество.

— У тебя острый ум. И выносливость. Это факт! — добил Саймон.

— Да, Саймон, но твоя поэзия лишь выиграет от подобного путешествия, — заметил я.

— Ты специалист. Только ты знаешь, какой жир годится и что с ним делать, — сказало Дейлайт Маллиган. Тут-то оно меня и прижало. Этого вполне достаточно. Скверно. Но Миллисент-то явно на моей стороне. Я глянул в ее сторону.

— Тебе легко будет найти работу, — выдала она, — ты ведь повар, отличный повар. У тебя не будет никаких проблем.

— Похоже, мы поторопились, — барахтался я, — следует отложить решение на неделю, возможно, представится…

Тут встрял Дюмонти Калотрик:

— Чего ждать? Это ж просто чудо! — он рассмеялся. — Проблема пресечена в зародыше! Представьте, мистер Ньюхауз —

приключения на дикой планете. Полгода на борту. Новые места! Неведомые опасности! Романтика! Пламя галлонами! Кому еще зарядить по-быстрому?

— А почему бы тебе не съездить? — ядовито осведомился я.

— А я и так еду! Вместе с вами!

2. В путь!

Обитаемая часть Сушняка ограничена исполинской воронкой (средний диаметр — пятьсот миль, глубина — до семидесяти), на которую приходится львиная доля всей атмосферы; остальная поверхность может похвастать лишь разреженным газом да парой руин, оставленных поселениями Цивилизации. По общепринятой теории, виновник катаклизма, произошедшего несколько миллионов лет назад — метеорит из антивещества. Планета помоложе разлетелась бы на куски, но Сушняк к тому времени успел схватиться до самой сердцевины. Из раздробленной породы высвободилось приличное количество газа. А потом бессчетные тонны мельчайшей пыли, взращенной Солнцем на безвоздушных полях, со всех сторон двинулись к кратеру. Этот неспешный, но безустанный поток подарил Сушняку океан зыбучей пыли баснословной глубины, а с ним — возможность для сотворения новой жизни. На сей раз шанс не был упущен.

Пятьсот лет назад Сушняк облюбовали смурные сектанты. В наши дни вера их пообветшала, но по-прежнему сильна красочными богохульствами и чрезмерным уважением к закону. Последнее-то и вынудило меня променять свою уютную двуспальную кровать на ловлю счастья в Пыльном Море. Со мной отправился юный Калотрик: от него так и не удалось отбояриться. С тяжелым сердцем удалялся я от Нового Дома, Калотрик семенил следом. Не успели мы пройти и двух кварталов к востоку, в сторону доков, как он нарушил молчание:

— С чего начнем, мистер Ньюхауз?

— Снимем все деньги со счета, — буркнул я. — И называй меня Джон.

— Идет, а зачем? Мы вроде собирались подрядиться на корабль?

— Спешка в подобном деле неуместна, — менторским тоном начал я, — следует разведать обстановку, изучить азы ремесла, сленг. Надо закупить все необходимое, может даже постричься соответствующим образом… Мы должны произвести впечатление, будто знаем что к чему, хоть и из другого мира. Между прочим, у тебя могут быть с проблемы с наймом, рассчитывай на простого матроса.

— Матроса, говорите? Ну и ладно — не люблю выделяться.

— Это правильно, — одобрил я. — У тебя сколько денег?

— Немного, — Калотрик был обескуражен, — сотен пять…

— На тебя хватит, еще и на выпивку матросам останется. В каком банке?

— Я не успел открыть счет, пока все в ценных бумагах.

Отослав Калотрика добывать наличные, я снял комнату в таверне на взморье, прямо над доками. (Остров-на-Взводе вознесся на полмили над уровнем моря, счастливо избегнув проблем с пылью, властвовавшей внизу). Когда он вернулся, я спровадил его в общий зал перенимать моряцкие привычки, а сам отправился за пылевыми масками. В море все носят такие: вздымаемая ветром пыль за пару дней способна сжечь легкие даже у ноздроволосого сушнеца, да и обычные здесь верблюжьи ресницы и тяжелые веки — не лучшая защита для глаз. На суше этим можно обойтись, но вдали от берега каждый носит плотно подогнанную резиновую маску с рылоподобным фильтром и пластиковыми прозорами. Капитан и его помощники отдают приказы через микрофоны в своих масках, у младшего состава предусмотрены лишь динамики для приема: дар речи для них — излишняя роскошь.

Среди китобоев принято украшать лоб и щеки своих личин определенным знаком, а поскольку это один из немногих доступных сушнецам способов самовыражения, плоды подобных художеств поражают разнообразием цветов и форм. Я накупил тюбиков с краской и взял кисточек для себя и Калотрика. Сама маска темная и блестящая, потому я прихватил и черной краски — вдруг понадобиться сменить символ. Экипированные и подстриженные, со всем снаряжением и межпланетными документами, мы спустились на лифте к подножию утеса осмотреть китобойный флот. На первых трех судах нам не повезло: меня как кока еще приняли бы, но без Калотрика, явного неуча.

В конце концов мы набрели на весьма приличный корабль под названием «Выпад»; капитанствовал на нем некий Нил Десперандум, несомненно родившийся с другим именем. Этот тип тоже был инопланетчиком и вырос при по меньшей мере двойной тяжести.

Пятифутовый рост нисколько не мешал его мощнейшему сложению и густой бороде нагонять страх на окружающих. Он свел брови:

— Кок и матрос?

— Так точно, ваше… — затянул было Калотрик, но я вовремя одернул его:

— Да, сэр.

— Имеются возражения против чужаков на борту? Мы тут не слишком строго следуем правилам.

— Отнюдь, капитан. Если только они сами не против.

— Очень хорошо, вы подходите. Жалование кока — одна сто

двадцать пятая. Мистер Калотрик, к сожалению, не могу предложить вам больше одной трехсотой, но для отличившихся в походе будут премии.

Калотрик помрачнел и я, не дожидаясь его возражений, согласился:

— Мы принимаем условия, капитан.

— Отлично. Калотрик, каюту вам отведет мистер Богухейм, третий помощник. Отчаливаем завтра утром.

Мы расписались в вахтенном журнале.

«Выпад» был типичным представителем своего класса: китобойный тримаран, сто пятьдесят футов в длину, высота (с грот-мачтой) — девяносто футов. Сделан почти целиком из металла (деревья на Сушняке не растут); поверхности всех трех корпусов неизменно надраены до зеркального блеска самим морем. У корабля четыре мачты и уйма парусов: марсели-брамсели, крюйсы, лиселя… штук двадцать, не меньше. Палуба покрыта варом из жира и молотых костей, без этого она нестерпимо раскалялась бы под палящим сушняцким солнцем. Команда спит в наглухо закрытых кондиционируемых шатрах из китовой шкуры, принайтовленных к здоровенным кольцам.

Каюта капитана Десперандума помещалась под палубой на корме. Меня поселили в камбузе, на носу, рядом с кладовой. Оба помещения защищались от пыли электростатическими полями, создаваемыми у входных люков; электричество поступало от расположенного в центральном корпусе небольшого генератора, работавшего на китовом жире.

На борту находилось двадцать пять человек: я, кок; капитан с тремя помощниками, Флаком, Грентом и Богухеймом; два бондаря, два кузнеца, юнга Меггль и пятнадцать матросов, все как один (кроме Калотрика) — коренастые сушнецы с волосатыми ноздрями и похожие друг на друга — просто жуть. И еще там был впередсмотрящий, вернее смотрящая — хирургически измененная инопланетянка, Далуза. Но о ней разговор особый.

3. Беседа с наблюдателем

Мы вышли на рассвете, взяв курс Зюйд-Зюйд-Ост, к крилевым отмелям полуострова Чаек. Завтрак не доставил мне хлопот: овсянка, для капитана с помощниками — копченые осьминоги с хлебом. Столовой служил длинный тент на полубаке. В походе сушняцкие моряки удручающе молчаливы, что в маске, что без. Я заметил, Калотрик за ночь успел раскрасить свою: на каждой щеке у него теперь змеилась голубая молния. Другой такой ни у кого не могло быть — никто из местных ни разу в жизни не видел грозы. Чуть подумав, я выбрал своим символом большое разбитое сердце.

С обедом пришлось повозиться: мой предшественник оставил после себя помятую кухонную утварь, огромные чаны и баки сомнительной чистоты, да буфет, отданный в безраздельное владение анонимным сушняцким приправам. Я привык полагаться на свой кулинарный талант, но столь примитивные условия поумерили мой пыл. Оставив юнгу Меггля наедине с грязной посудой, я попытался разобраться со специями. Первая напоминала ржавчину; другая определенно походила на хрен; третья смахивала на горчицу. В четвертой я с радостью узнал соль, зато с пятой так и не удалось познакомиться поближе: едва нюхнув, я понял, что она безнадежно протухла.

Выкатив из трюма бочку сухарей, я ухитрился вернуть им съедобность. Титанические усилия сторицей окупило то неподдельное внимание, которое китобои проявили к моей стряпне. Без масок неотличимые, словно близнецы, за едой они не проронили ни слова; периодическая отрыжка лишь оттеняла тишину. Ощущение такое, словно назревает бунт.

Унылое общество. Одежда тоже единообразна: грубые брюки-клеш, коричневые или синие, и куртки в рубчик. Руки у всех потемнели на солнце, а лица бледные, со следами от постоянного ношения масок. Шестеро даже выбрили узкую полосу вокруг головы, через виски и под челюстью, для большей герметичности. На каждом — ожерелье из нанизанных на тонкую цепочку символов частиц Бога, ибо в соответствии со странной сушняцкой догмой самое большее, на что может рассчитывать смертный — это привлечение внимания лишь небольшой части Вседержителя. Движение, Удача, Любовь, Сила — здесь были представлены Аспекты, ценимые моряками; некоторые повторялись на кольцах и браслетах. Украшения не считались амулетами, но служили для концентрации во время молитвы. Сам не набожный, я все же носил кольцо Творения — художественного Аспекта. Ела команда

механически, с лицами настолько отрешенными, словно ими никогда не пользовались для выражения чувств — либо будто эти тусклые облики служили еще одной маской, удерживаемой невидимыми ремешками. Обед проходил за длинным, намертво привинченным к палубе столом с пластиковой крышкой; в конце трапезной поперек основного стоял еще один стол, раздаточный. Между ними оставался зазор — как раз для того, чтобы подходить по одному, брать поднос и обслуживать себя.

Утомленный монотонным пережевыванием пищи, Калотрик рискнул завязать разговор с седым ветераном,сидевшим по правую руку:

— Недурная погодка сегодня, — брякнул он.

Вилки застыли в воздухе. Сушнецы с интересом уставились на беднягу: так врач изучал бы прыщ. Решив наконец по его подавленному молчанию, что продолжения не будет, все вернулись к своим тарелкам.

Его попытка была обречена с самого начала: на Сушняке нет погоды. Только климат.

Далузу я увидел лишь в конце дня, после ужина. Солнце уже скрылось за краем кратера, вечер розовел в приглушенном пылью свете, отраженном утесами в четырехстах милях к востоку. Я трудился на кухне, когда она вошла: ростом пять футов, укутанная в покрытые мехом крылья. На руках по десять пальцев, пять поддерживают крыло, пять свободны и выглядят совершенно по-человечески, вплоть до маникюра. Сами руки чересчур длинны и свешивались бы до колен, если бы не были сложены на груди.

Мне сразу стало не по себе — я не в силах был разобрать, кто передо мной: летучая мышь, прикинувшаяся женщиной, или женщина, вознамерившаяся стать летучей мышью. В утонченной, скульптурной красоте ее лица чуствовалась рука пластического хирурга. Художника со скальпелем. На ней была свободная, практически невесомая накидка. И что-то не в порядке с ногами: ее походка, слегка шаркающая и вразвалку, выдавала, что ходить она училась на совсем других конечностях.

Как и бархатистый мех на крыльях, ее волосы тускло отблескивали в угасающем свете. Она заговорила. У нее был низкий, тягучий голос, своими переливами настолько отличный от всего слышанного мною раньше, что поначалу я чуть было не пропустил смысл ее слов.

— Вы кок?

— Да, мэм, — пришел в себя я. — Джон Ньюхауз, Венеция, Земля. Чем могу служить?

— Джоннухаус?

— Да.

— Меня зовут Далуза. Я работаю наблюдателем. Хотите пожать мне руку?

Я так и сделал. Ладонь у нее оказалась вялая и горячая, но не влажная. Похоже, температура ее тела была чуть выше, чем у обычного человека.

— Так значит, вы говорите? — спросила она. — Это удивительно. Никто из моряков не отвечает мне. Так у них, видно, заведено. Мне кажется, они считают меня вестницей.

— Весьма близоруко с их стороны.

— Да и сам капитан не очень уж далек. А вы, значит, с Земли?

— Точно.

— Колыбель человечества, да? Мы обязательно поговорим об этом, это так интересно… Но я, верно, отрываю вас от работы? Я пришла сказать, что мне разрешается самой себе готовить. Боюсь, мне придется занять часть вашей кухни.

— Неужто вам не нравиться, как я готовлю? Я знаю множество способов и блюд…

— Нет-нет, что вы! Совсем не то, просто в вашей еде есть такие вещества… ну, у меня, например, аллергия на некоторые белки, и еще бактерии… Мне приходится быть крайне осторожной.

— В таком случае, мы будем часто видеться…

— Да. Мои запасы в том ящике, — своей неестественно длинной рукой Далуза указала на синий, окованный железом сундук, задвинутый под привинченный к полу разделочный стол.

Пока я корпел над полудюжиной горшков с варевом, фырчавших на плите, она выволокла свой ящик, открыла его, затем выбрала себе медную сковородку, первым делом опрыскав ее антибиотиком общего назначения.

— Вы впервые в плавании? — спросил я.

На сковороду отправилось с десяток мясистых кружочков размером с печенье и щедрая порция какой-то пряности. Я подкачал жиру и выровнял пламя.

— Отнюдь. Это мой третий рейс с капитаном Десперандумом. После него у меня будет достаточно средств, чтобы убраться с этой планеты.

— Вы так хотите улететь отсюда?

— Очень.

— А как вы вообще сюда попали?

— Меня привезли друзья. То есть, мне казалось, что они — друзья, а они меня бросили… Я их не понимаю. Никак не могу.

С плиты потянуло непривычным, чуть едким запахом.

— Вероятно, межвидовая несовместимость, — предположил

я.

— Причем здесь это? Среди своих было еще хуже: я никуда не вписывалась, меня нигде не принимали. Я так и не стала птящщей, — ее измененные губы с трудом выдохнули последнее слово.

— И оттого изменили внешность.

— Вы против?

— Вовсе нет. Стало быть, вас бросили, вам понадобились деньги, и вы нанялись к Десперандуму.

— Верно, — она достала из ящика лопатку, обработала ее аэрозолем и перевернула мясо. — Больше никто не хотел со мной мной связываться.

— А Десперандум на многое смотрит сквозь пальцы.

— Да. Он тоже чужак, и к тому же очень стар. Мне так кажется.

Вот так так! Теперь еще сложнее будет решить, чего от него ожидать — когда подспудная жажда смерти заявляет о себе, человек становиться непредсказуем.

— Думаю, он все же достойный человек, — улыбнулся я. — Во всяком случае, он проявил незаурядный вкус, выбрав вас.

— Вы очень добры, — взяв со стойки тарелку, она потерла ее грубым песком, подержала над огнем, сняла посудину с конфорки и подцепила один из кусков длинной вилкой. — Вы не возражаете, если я буду есть прямо тут?

— Нет. А почему?

— Им не нравится, когда я ем вместе с ними.

— По-моему, напротив, вы — украшение стола.

— Мистер Джоннухаус… — Далуза отложила вилку.

— Просто Джон.

— Джон, посмотрите сюда.

Она выпрямила правую руку: ее тонкие пальцы покраснели и покрылись волдырями.

— Вы обожглись — я потянулся к ее ладони.

— Нет! Не трогайте меня! — она отпрянула, шурша крыльями. Легкое дуновение шевельнуло мне волосы.

— Видите — когда вы пожали мне руку, ваша была влажной, совсем немного, но там были ферменты, масла, микроорганизмы. Это аллергия, Джон.

— Вам больно.

— Пустяки, через час пройдет. Но теперь-то вы понимаете, почему все… Я ни к кому не могу притронуться, не могу никому позволить прикоснуться ко мне.

— Мне очень жаль, — помолчав, выговорил я. Слова Далузы обрушивались на меня подобно волнам жара, все набиравшего

силу по мере ее объяснений.

Она запахнулась в крылья, будто в плащ, и выпрямилась в полный рост:

— Я знаю, что часто прикосновения — лишь начало чего-то большего. Это убьет меня.

Мое странное состояние усиливалось, по спине побежали мурашки. Сперва я не испытывал особого влечения к этой женщине, но при мысли о ее недоступности внезапно загорелся желанием.

— Понимаю, — сказал я.

— Я должна была показать тебе, Джон. Но, надеюсь, мы станем друзьями.

— Не вижу препятствий, — осторожничал я.

Она улыбнулась. Потом подцепила кончиками накрашенных ногтей кусочек с тарелки и принялась деликатно есть.

4. Нечаянное открытие

На четвертый день нашего похода я обнаружил нечто загадочное; это случилось, когда я обшаривал кладовую в поисках чего-нибудь особенного для удовлетворения своих изысканных вкусов. Кончик перочинного ножа, которым я пытался откупорить бочонок эля, отломился, а сам нож закатился в дальний угол трюма. Ползая впотьмах, я нащупал щель в переборке, оказавшуюся стыком потайной двери. Замок малость посопротивлялся, но вскоре открыл мне, что в корпусе «Выпада» имеется неприметный отсек, скрывающий от посторонних разобранный двигатель с батареями, пропеллер, два больших кислородных баллона да банку клея, такого сильного, что, отыскав-таки нож и макнув его в клей, я вынужден был зажать банку меж коленей, чтобы вытащить его обратно. Выбравшись на палубу, я выкинул ножик за борт — отскоблить лезвие так и не удалось, и рано или поздно он бы меня выдал. Благодаря изрядной глубине кратера ночь в Пыльном Море ощутимо длиннее дня, так что у меня было вдоволь времени поломать голову над находкой. Пропеллер просто не давал мне уснуть: в море им никогда не пользуются, он подымает тучи пыли. Одно было несомненно — Десперандум знал о секретном помещении; подобное переустройство корабля требовало его разрешения. Большинство капитанов отвечали перед своими нанимателями на суше, но Десперандум самолично владел «Выпадом» — всем, до последнего болта.

Причуды капитана этим не ограничились: по утру он ни с того ни с сего приказал убрать паруса. Корабль замер посреди пыли, а Десперандум появился на палубе с целой бухтой лески. Настил под ним прогибался: в бухте было, по крайней мере, фунтов триста, да и сам капитан весил не меньше четырехсот. Прикрепив к леске крюк размером с мою руку, он насадил на него кус акульего мяса и отправил за борт. Затем вернулся в каюту и потребовал завтрак, который я немедля подал. Поев, он выпроводил помощников и вызвал к себе меня. Капитанская каюта была обставлена по-спартански: койка шесть на пять футов, массивное вращающееся кресло и откидной стол. Стены увешаны картами, старательно вычерченными на листах упаковочного картона. В застекленном шкафу я заметил пару банок с образцами местной живности, а с дальней стены скалилась голова хищной рыбы; ее внушительных размеров челюсти были утыканы потрескавшимися зубами. Сквозь толстые стекла иллюминаторов виднелась западная стена кратера, сиявшая в

лучах солнца подобно краю огромной ущербной луны, восходящей над серой равниной.

— Ньюхауз, — начал капитан, усаживаясь в возмущенно заскрипевшее кресло. — Вот ты с Земли. Знаешь, что такое наука. — Голос у Десперандума был низкий и с хрипотцой.

— Да, сэр. Я питаю глубочайшее уважение к Академии.

— Академия! — скривился Десперандум. — Ты заблуждаешься, глубоко заблуждаешься, если отождествляешь настоящую науку с этим сборищем переживших свое глупцов. Что остается от человека, вынужденного потратить три сотни лет только на получение докторской степени?

— Это так, сэр, — отозвался я, проверяя его. — С возрастом люди склонны входить каждый в свою колею.

— Именно! — подтвердил он. Похоже, я недооценил нашего капитана. — Я — ученый, — продолжил Десперандум. — Пусть без степени, пусть с чужим именем — какое это здесь имеет значение? Я приехал сюда, чтобы кое-что найти; а уж если я чего решил — меня никто не остановит! Ты хоть представляешь, насколько мало в действительности мы знаем об этой планете?

— Люди живут здесь уже пятьсот лет, капитан.

— Пятьсот лет здесь живут имбецилы, Ньюхауз. Да ты садись, поговорим по-людски. — Мясистой, заросшей рыжей шерстью рукой он махнул в сторону металлической скамьи у двери.

Я осторожно присел.

— Ни на один вопрос о Сушняке до сих пор нет ответов. Первая исследовательская экспедиция — кстати, под водительством Академии — взяла несколько образцов, объявила планету пригодной для жизни, да и убралась восвояси. А вот, к примеру, растолкуй-ка мне, отчего это у всех здешних тварей в теле имеется вода, хоть дождей тут и не бывает?

— Ну, я слышал, на большой глубине залегают грязевые слои, — ответил я, мысленно перелистав книгу, прочитанную до приезда на Сушняк. — И есть какие-то грибы-водоносы, которые всплывают на поверхность для размножения. Они лопаются, а планктон эту воду собирает…

— Недурно придумано, — одобрил Десперандум. — Я бы не прочь первым это проверить. Ты не подумай только, что я забуду навариться на этом рейсе. Как и остальные, ты получишь свою долю.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, капитан.

— Но мне не дают покоя сотни вопросов… Что порождает течения в Пыльном Море? Какая у него глубина? Что за твари скрываются там, внизу? Как они находят пищу без зрения и эхолокации? Как дышат? Сама непрозрачность моря раздражает

меня, Ньюхауз. Я не могу даже просто заглянуть туда… И вот еще: то место, где нашли развалины поселений Цивилизации, было непригодно для жизни и тогда, когда они только появились здесь. Отчего это они обосновались на безвоздушной части планеты?

— Кто их знает, — беспечно ответил я, — может, боялись чего-нибудь?

— Я-то не боюсь… Но приходится брать в расчет и команду. Сомневаюсь, что они вообще понимают, чем я тут занимаюсь, во всяком случае виду не кажут. Ты ближе к ним. Вдруг услышишь что — дай мне знать… А уж за мной не заржавеет, как вернемся.

— Можете положиться на меня, капитан, — теперь он меня откровенно забавлял. — Рекомендую также Калотрика. Он хоть и не здешний, но ближе к команде, чем я. Десперандум с минуту морщил лоб.

— Нет, — решил он. — Не нравится он мне. Да и ты не доверяй ему. Есть в нем что-то скользкое.

Вот те на! В Калотрике? Я взял это себе на заметку. А может, у него просто проявились первые признаки ломки?

— В любом случае, благодарю за сотрудничество, — продолжал Десперандум. — Свободен. Да, на обед — запеканка с летучей рыбой.

— Слушаюсь, сэр, — я вышел.

Непонятно, размышлял я, зачем такой человек, как Десперандум, лезет в болото под названием наука? Додумать мне помешал вопль первого помощника Флака. Что-то попалось на крючок.

Капитан тут же выскочил на палубу и зацепил конец лески за брашпиль. Он был само нетерпение, и два матроса, быстро войдя в ритм, принялись за работу. Они наматывали и наматывали, наконец добыча показалась на поверхности и взорвалась. Внезапная смена давления оказалась для нее убийственной. Немного придя в себя, Десперандум с серьезным видом принялся изучать лохмотья, болтавшиеся на крючке. Остальным же, разбросанным на многие ярды вокруг, занялась рыбная мелочь. Голова существа почти не пострадала, но я не заметил ничего, похожего на глаза… И ни малейшего намека на то, чем оно дышало в безвоздушных глубинах. Не кремнием же, в самом деле… Не удовлетворившись одной попыткой, Десперандум добавил к остаткам головы новую приманку и швырнул крюк обратно в море. Два новых матроса взялись разматывать леску. Сто ярдов, двести, триста, четыреста…

Вдруг что-то клюнуло, и барабан завертелся с бешеной скоростью, едва не раздробив одному из моряков руку. Никто не

решался ухватить вымбовку — можно было остаться без пальцев.

— Руби! Руби! — закричал второй помощник.

— Это керамическое волокно! — старался перекрыть вой лебедки Десперандум. — Выдержит!

Тут леска кончилась. Корабль дернуло, палуба опасно накренилась, пара нагелей лопнула, остальные со скрежетом протащило сквозь металл, и в мгновение ока брашпиль исчез за бортом.

Десперандум привалился к фальшборту и задумчиво созерцал, как оседают клубы пыли. Затем повернулся и уставился на ванты, поддерживавшие мачту, как бы примериваясь, не сойдут ли они за снасти для глубоководной рыбалки. Я заметил, что несколько членов команды обменялись многозначительными взглядами. В конце концов капитан приказал поднять паруса и вернулся в каюту. Кузнецы достали свои молоты и паяльное оборудование и начали латать рваные дыры в палубе.

Я двинул было обратно на камбуз, когда по палубе передо мной скользнула тень. Задрав голову, я оцепенел: в воздухе кувыркалось дьявольское создание. Вот оно забило крыльями и умостилось на марсе.

Это была Далуза.

С помощью условных сигналов она передала, что в двух милях справа по курсу обнаружен кит. Капитан скомандовал поворот оверштаг. Шкоты раздернули, фок свободно заполоскал, но через пару секунд с легким хлопком вновь наполнился ветром, корабль лег на правый галс и нехотя двинулся вперед. «Выпад» всегда двигался нехотя — для китобоя скорость не так уж важна, да и поймать сколь-нибудь приличный ветер в пятисотмильном кратере мудрено. Вскоре спящий кит предстал перед нами во всей красе. Пока мы подбирались к нему, трое моряков вскрыли себе вены у локтя и нацедили полную кружку крови. Блакберн, наш стрелок, деловито отлил часть в полость гарпуна с четырехгранным зазубренным наконечником и отправился на правый борт, к пушке. Крови оставалось еще на пару зарядов.

Весьма удачно, хоть и несколько странно, что человеческая кровь действует на пылевого кита как смертельный яд. Впрочем, ничуть не более странно, чем то, что получается из самого кита — Пламя. Как и все хорошее, синкопин в достаточном количестве тоже смертельно опасен.

Мы шли к киту, а он все вырастал и вырастал у нас перед глазами. Ни одно живое существо не вправе быть таким огромным.

Наконец с правого борта лязгнуло, и в следующий миг гарпун уже торчал в туше.

Над морем пронесся истошный визг. Кит проснулся. Обезумев от боли, он ринулся на нас. Блакберн не терял времени даром — еще два гарпуна вонзились в широкую, покрытую панцирем спину. Испустив новый яростный вопль, кит ушел под пыль всего в нескольких ярдах от нас. Через пару минут он снова всплыл, но уже мертвый.

Пылевой кит очертаниями напоминает камбалу, в длину достигает семидесяти пяти футов, в ширину — тридцати пяти. Первое, на что обращаешь внимание, — это, конечно, пасть, забранная жестким китовым усом и ведущая в необъятную глотку, сплошь усеянную зубами, постоянно перетирающими планктон. Тонны поглощаемого при этом кремния идут на создание брони — черных шестиугольных пластин, соединенных полосами серой кожи. Этот наборный панцирь одновременно прочен и гибок, что избавляет животное от необходимости линять по мере роста. По числу годовых колец можно, если постараться, определить возраст. Кольца почти незаметны — на Сушняке нет времен года, пищу можно найти всегда — но все же различимы, и редко когда удавалось подстрелить кита старше пятидесяти лет. Как и остальные обитатели поверхностного слоя, киты — холоднокровные животные и дышат воздухом. Любят собираться в стаи.

Мы причалили к поверженному гиганту. Шесть матросов, в том числе и Калотрик, вооружившись здоровенными крюками, прикрепленными к металлическим тросам, перепрыгнули с палубы ему на спину.

Два гудка туманного горна, поданные наблюдателем, предупредили о появлении акул. Рожок поменьше уточнил их местоположение — три румба слева по борту. Второй помощник, мистер Грент, руководивший погрузкой, начал выказывать признаки нетерпения, и команда заработала с удвоенной энергией, всаживая гаки как можно глубже в плоть чудовища и стараясь зацепить ребро. Я много слышал о сушняцких акулах, и поэтому начал с интересом их высматривать. На востоке показалась стайка летучих рыб, хитиновые крылья сверкали под солнцем, как драгоценные камни Я был разочарован — неужели эти хрупкие создания размером с земную золотую рыбку и есть легендарные хищники? Хотя, если их соберется побольше, каждая с мелкими, но острыми зубами, да вдобавок с полным презрением к собственной жизни…

И тут я заметил, что поверхность пыли под стаей летунов рассекают, словно торпеды, с полдюжины черных блестящих тел. Ощущение реальности совершенно покинуло меня, когда на концах плавников вдруг открылись и уставились на нас

пронзительно-голубые глаза.

По-видимому, летучие рыбы работали штурманами и вели акул к месту бойни, чтобы заслужить объедки. На своих крыльях они могли подняться гораздо выше и увидеть много дальше, чем обитавшие в пыли акулы…

В чувство меня привела ругань мистера Богунхейма, сунувшего мне в руки фленшерную лопату и пославшего отгонять хищников. Получив мощное напутствие, я рванул к остальной команде, сгрудившейся у борта. Акулы уже напали — пыль бурлила, как лава, из располосованной туши вытекала густая фиолетовая кровь. Матросы торопливо закончили работу и вскарабкались на палубу: на спине становилось чересчур опасно. Звякнули юферсы, застучали лебедки, медленно, слишком медленно вытягивая кита на палубу. Корабль накренился. Я наугад ткнул в клокочущую массу и почувствовал, как мое оружие нашло акулью плоть. Матрос рядом со мной застонал под маской, когда какая-то из рыбешек спикировала и вцепилась ему в ногу. У этих малышей и в самом деле оказались острые зубки. Они залетали на корабль, падали на палубу и ползали по ней на своих жестких крыльях, ровно какие-то несусветные муравьи. На какое-то время я отвлекся от акул, чтобы раздавить одну, особо назойливую. В следующий миг лопату дернуло, а я отшатнулся от поручней с одним пятифутовым черенком в руках — остальное подчистую исчезло в аукульей пасти. Прямо на меня летела другая рыбка. Взмахнув огрызком, словно битой, я отправил ее назад, в море.

Над нами, грузно ударяя неповоротливыми крыльями летучей мыши и волоча за собой металлическую сеть, проплыла Далуза. Рой рыб перестал досаждать морякам и счел за благо укрыться под защитой моря.

Команда отступила, высвобождая место для китовой туши, что неспешно водворялась на палубу. Крен сохранился, кровь стекала по шпигатам за борт. Самая свирепая из акул, не желая упускать добычу, ухитрилась заскочить на борт. Подпрыгивая и клацая зубами, она отхватила последний окровавленный шмат и скатилась обратно. Стая покрутилась в нерешительности среди пыли и крови, потом оттащила своих убитых собратьев на безопасное расстояние, не торопясь умяла их и уплыла восвояси.

Мы же приступили к разделке. Первым делом с панциря срезали полосы кожи и погрузили их в медный чан с какими-то химикалиями для придания ей большей гибкости. Затем все мясо с помощью ножей и топоров отделили от костей и пропустили через ручную мясорубку, чтобы позже извлечь из фарша воду и жир. Наши бондари отобрали несколько широких, как доски,

ребер и распилили их на части — отличный материал для бочек. Из ребер поменьше и позвонков наделают резных безделушек.

Пообещав приготовить китовые отбивные, я умыкнул пару фунтов требухи и спрятал на камбузе.

Невостребованные части лопатами и жесткими металлическими щетками спихнули в море. От прикосновения влаги пыль скатывалась в темно-серое тесто. Я знал, что вскоре кристаллические споры сушняцкого планктона почуют присутствие воды и начнут расти, вбирая ее через мельчайшие поры и превращая пыль в прозрачную слюдяную раковину. Волшебный мир, подумал я, где можно перегнуться через перила и плеваться изумрудами.

Нехитрый, но действенный способ получения синкопина заключается в обработке жира этиловым спиртом. Пока команда пьянствовала, я, получив свою пинту эля, взялся за дело.

В самый разгар работы в дверь трижды постучали. Прежде чем открыть, я убрал варево с плиты в печку. Это оказался Калотрик.

— Разрази меня гром! — выругался он, спускаясь по лестнице и стягивая свою изукрашенную молниями маску. На висках и щеках, поросших редкой щетиной, проступили красные полосы. — Ну и пойло!

Тут он принюхался и улыбнулся:

— Всегда знал, что на тебя можно положиться, Джон!

Расстегнув свою робу, он вытащил пластиковый пакет. На дне все еще кое-что перекатывалось.

— Я тут приберег капельку, — сообщил он. — Давай по-быстрому?

— Отчего бы и нет, — пожал плечами я.

Калотрик извлек пипетку.

— На самом деле я поболтать зашел. Ты-то неплохо устроился! Не приходится жить среди этих вонючих матросов. Полные кретины! Подозреваю, они вообще не умеют разговаривать. Ну, то есть как мы с тобой, — он протянул пипетку мне. — Давай, ты первый.

Я с сомнением посмотрел на неслабую дозу, которую он излишне щедро отмерил.

— Пожалуй, стоит сперва присесть, — решился я.

— Давненько уже, а? — подмигнул Калотрик. — Да-а-а, дни без этого ползут, что твоя черепаха.

Я запрокинул голову и отсчитал пять капель Пламени. Во рту появился металлический привкус, язык онемел. Из глаз покатились слезы. Я вернул пипетку Калотрику. Тот потряс пакет и набрал больше прежнего. Внезапно все куда-то поплыло. Я

закрыл глаза.

— Подмажем судьбу! — жизнерадостно выкрикнул Калотрик традиционный тост китобоев. Я непроизвольно ухватился за стул.

Что-то закопошилось у основания позвоночника. Потом вдоль хребта, как по проводам, взметнулась молния. Я явственно ощутил, что она взорвалась у меня в голове. Верхнюю часть черепа снесло, будто крышку, из открывшейся дыры забило холодное синее пламя. Я распахнул глаза. На смену первоначальному неистовству пришло ровное спокойное горение, как у паяльной лампы. Плита, грязная посуда, блаженная физиономия Калотрика — все вокруг излучало странное сияние, словно подпитывалось из собственного внутреннего источника. Где-то в стороне плясали голубые искры. Я поднес к лицу руки — они тоже светились.

— Когда? — спросил Калотрик.

— Что «когда»?

— Когда у тебя будет первая партия Пламени?

— Не знаю, — выдавил я, — перегонка продлится до завтрашнего вечера, раньше никак, но не поручусь, что из этого выйдет что-нибудь путное. Я даже не знаю, насколько сильным оно получится.

— Если перестараешься — не страшно, — хихикнул Калотрик.

Я вспомнил, что кастрюля с китовыми потрохами остывает в печке, но подниматься, чтобы снова поставить ее на огонь, не было ни малейшего желания. Это было гораздо выше моих сил.

— Так о чем ты? — переспросил Калотрик.

— О сильнодействии, — ответил я после паузы.

— Ах, да. Теперь вспомнил.

— Один из нас должен будет рискнуть первым. Там могут быть примеси, вероятно опасные. Тянем жребий?

— Опасные, говоришь? — протянул Калотрик. Он задумался, но вскоре просветлел. — Я тебе рассказывал о парне, который все время достает меня?

— Нет. С тобой что, плохо обращаются? Пожалуйся помощникам.

— Да не, это тот юнга — Мерфиг, сушнец. Он впервые на корабле, и лезет ко мне со своим трепом — ну, там, откуда я, да зачем… В печенках у меня уже сидит. Это оттого, что у меня врать складно не выходит.

Интересное признание, подумал я. Потому, что если это — ложь, то это очень убедительная ложь: Калотрик просто лучился невинностью и чистосердечием.

— И?

— Знаешь, он примерно твоего сложения — да ты видел его, у него еще зеленая и белая мишени на щеках.

— Ну.

— Почему бы не испытать на нем?

Я хорошенько подумал.

— Ты предлагаешь, чтоб именно я подмешал Пламя именно в его обед?

— А что тут такого? — изумился Калотрик. — Давай я это сделаю, если у тебя… если сам не хочешь.

Пламя пошло на убыль.

— Во. Ты это и провернешь, — я потер левый глаз, тот, с серым пятном — он начал побаливать.

Встав-таки со стула, я вынул кастрюлю из печки и развел огонь.

— Качни пару раз вон тот насос, Дюмонти, — устало попросил я.

— Монти, — поправил он, выполняя просьбу. — Ух ты, да у тебя тут прилично. Твои друзья с Острова останутся довольны.

— Несомненно.

Только вот… Эти мои бывшие друзья, как оказалось, ни во что меня не ставили… Само собой, о мести не может быть и речи — это ниже моего достоинства. Я хочу лишь одного — справедливости. Когда покончу с перегонкой, выйдет изрядное количество синкопина. Но они не дождутся ни капли. Это я решил твердо. Калотрик, возможно, будет возражать. Но это я уж как-нибудь улажу.

5. Ложь

— Расскажи мне о Земле, — попросила Далуза.

Сколько раз я повторял эту ложь, и скольким женщинам? Я сбился со счета… Лет двадцать назад незатейливая сказка расцвела в моем воображении пышной розой, проросшей из грез юности и вспитанной отчаянием. Несчетное число раз я делал вид, что мне не хочется ворошить прошлое; несчетное число раз фальшивая боль фальшивых воспоминаний отражалась на моем лице. Но Далуза заслуживает гораздо большего, ради нее я решил постараться на славу.

— Ладно, — начал я, осторожно подбирая слова. — Но не обо всей Земле, лишь о нескольких акрах, тут и там, о том, что случай позволил мне увидеть самому. Тридцать четыре года назад я родился в Венеции, древнем городе, столице обширного края. Город выстроили на острове и нарекли Невестой Моря. Со всех сторон к нему подступали соленые воды той части Мирового Океана, что называют Серединой Мира. В детстве я любил смотреть, как пенные волны разбиваются о камни, следить за игрой света на спинах могучих валов… Мне казалось тогда, что океан бесконечен, что он, как воздух, объял всю планету. Воды всех океанов Земли хватит, чтобы заполнить Море Пыли не один десяток раз. Я расскажу тебе о Венеции. Представь себе великолепный золотой город, столь древний, что даже камни крошатся под ним. Город, некогда гордый и славный, блистающий, прекрасный, вобравший в себя сокровища семи морей. Ни один флот не мог сравниться с венецианским, искусство оставалось непревзойденным и нельзя было найти правителей мудрее. Меж прочих городов Италии и Богемии Венеция возвышалась, словно алмаз среди сапфиров. Из всех жителей Земли именно венецианцы первыми обратили взгляды к звездам. Да, это было задолго до того, как человек научился летать, но именно здешний гений воплотил извечную мечту в реальность. Деревянные птицы, детища бессмертного Леонардо Венецианского, подымали в небеса червонно-серебряные знамена города. Но пришел день, когда земля дрогнула. Поначалу это никого не тревожило — предложения сыпались одно за другим, благо в средствах недостатка не ощущалось. Отгородить море дамбой? Не получится — Венеция окружена топями. Сделать остров-на-плаву? Но природа отвечала на каждую новую попытку огнем и землетрясениями. Скала под городом оказалась нестабильной, насквозь пронизанной пещерами и потоками лавы.

Упадок наступил не сразу. Иной раз казалось, что все

устроилось, и горожане гнали уныние прочь. Но стоило вернуться былой уверенности, как новый удар повергал надежду в прах, и погружение неуклонно продолжалось. А потом жених окончательно предал Невесту Моря.

В мое время венецианцы искали прибежища на верхних этажах полузатопленных домов. Из жителей осталась едва десятая часть, в том числе и мои родные, осколок древнего и благородного семейства. Я хорошо помню детство. На веслах или с шестом в руках направлял я свою мертвенно-черную пагоду вдоль затопленных улиц, по спокойной, незамутненной воде. Помню разбитые пилоны в холодной глубине, статуи, увенчанные морскими звездами, морских ежей, резвящихся на присыпанных песком мозаичных ликах венецианских мадонн. Иной раз, привлеченный блеском сокровищ, я погружался в стылую воду и возвращался домой продрогший, с водорослями в волосах, встречая молчаливые упреки матери… — на мгновение мой голос прервался.

Мама умерла, когда я был совсем маленьким, но боль потери так и не оставила меня. Ведь все это — моя жизнь, моя ложь, моя тень, неотделимая от меня самого. Сегодня я парил как никогда высоко, хоть для этого и пришлось придать повествованию сложный, вычурный стиль, столь любимый терранцами. Мое творение, моя ложь, моя душа. Мое собственное произведение искусства. Слезы готовы были навернуться на глаза.

— Это было ограниченное общество, стилизованное в ущерб жизнеспособности, но вместе с тем привлекательное, как безупречно сохранившийся труп молодой невесты. И все же мне было неизъяснимо одиноко. Множество раз я покидал вечеринки и поэтические состязания лишь для того, чтобы скитаться на своей черной пагоде по сонным улицам. Большинство зданий было давно заброшено; театры, особняки, пенсионы разрушались среди сырости. Запустение не смущало меня, напротив, мне нравилось, протиснувшись сквозь узкое окно, бродить по заплесневевшим залам с фонарем. Иногда я подбирал необыкновенные раковины…

— Что? — перебила Далуза.

— Раковины. Внешний скелет морских организмов. Иной раз мне попадались поросшие моллюсками напоминания о минувших днях — осколок греческой амфоры, консервная банка из индустриальной эры, еще какой-нибудь свидетель утерянного прошлого…

— А почему ты уехал?

— Я стал старше. Пошли разговоры о женитьбе, о необходимости породниться с древним родом, еще более

упадочным, чем наш. Неожиданно я осознал, что больше не вынесу и недели в Венеции, ни дня среди ее утонченной печали, ни часа среди ее изысканного отчаяния. Можно было бежать в другой город: Париж, Портленд, Ангкор Ват… Но в тот миг вся планета была мала для меня. Я покинул ее и с тех пор больше не видел Венецию. Да и вряд ли доведется когда-нибудь…

Я не мог продолжать. Боль стала нестерпимой, слишком близко к сердцу принимал я свою вымышленную биографию, гораздо ближе, чем настоящее детство, эти мрачные годы отчужденности и пренебрежения, слегка скрашенные сомнительными родительскими деньгами. Я стремился забыть придурковатых дружков и подкрепленные здоровенными кулаками попытки отца слепить меня по собственному образу и подобию. И нервные срывы. Те самые, благодаря которым я открыл для себя чудодейственные свойства транквилизаторов. Стимуляторы, сперва законные, а затем — целое созвездие разноцветных таблеток, наполненных счастьем. Мгновенная сила, вдыхаемая, глотаемая, вкалываемая. Все, чтобы приглушить обиду. Сейчас-то я понимаю, что должен быть благодарен обстоятельствам, сделавшим меня уважаемым представителем необычной, но прибыльной разновидности фармакологии. Во всяком случае, мне ни разу не пришлось об этом пожалеть. А потом я отправился спать.

За завтраком матросы были болтливы сверх меры — самый крупный из них, Перкум, перестал на мгновение жевать и сообщил:

— Знаете что? Наш кэп совсем рехнулся.

Все согласно кивнули и вернулись к еде.

Поднявшись ни свет ни заря, капитан развил бурную деятельность: брал образцы пыли, препарировал летучую рыбу, делал заметки о поведении акул. Подобрав оброненный мною вчера металлический прут, он согнул его в дугу, после чего команда перестала пялиться на него и занялась своими обычными делами. Через час мы достигли крилевых отмелей. Десперандум спустил с кормы огромное сито и вскоре вся палуба вокруг него была усыпана планктоном. Целая груда самоцветов размером с орех, всех мыслимых форм: пирамиды, кубы, призмы, многогранники. Они поблескивали своей кремниевой скорлупой и с треском лопались под каблуками капитана.

Незадолго до полудня мы заметили еще одного кита. Он лениво ворочался среди пыли, наполняя окрестности хрустом поглощаемого планктона. Трое матросов совершили обряд кровопускания. Блакберн зарядил пушку и, ко всеобщему удивлению, промахнулся. Впрочем, два следующих гарпуна

попали в цель, а четвертый, выпущенный практически в упор, пробил зверю легкое. Кит засипел, выпустил фонтан лиловой пены и забился в конвульсиях.

Далуза как раз вернулась со своего обычного спирального облета. С юга на полной скорости приближались акулы, но до них оставалось мили две, так что мы могли разделать тушу без лишней спешки. Им достанутся лишь отбросы. Интересно, как они вообще узнали о смерти кита. Может, летучие рыбы засекли бойню с воздуха? Или существует более тонкий способ?

На юге вздымались массивные, лунно-бледные стены — скалы полуострова Чаек. На некотором расстоянии от подножия утес прочерчивала широкая светлая полоса. По рассказам я знал, что на самом деле это добрых две мили, битком набитые белыми чайками, которые там гнездятся, вопят и дерутся в невообразимых количествах, отстаивая свое место под солнцем. И это не пустой звук — снизу их сносит лавиной помета, а сверху они рискуют умереть от голода, не долетев до гнезда. Нижний край полосы оторочен грязно-зеленым — там к многовековому слою гуано цепляются лишайники.

Где-то среди этого птичьего базара, под потеками навоза затерялся небольшой бугорок, бывший некогда флагманом островзводного флота. На четверть мили выше уровня моря его занесло триста лет назад, во время цунами, вызванного катастрофой в Мерцающей бухте. Многие десятилетия его блистающие обломки служили воплощением memento mori, символом вины нескольких поколений. Долгие годы, вооружившись биноклем, можно было различить полураздавленные, но неплохо сохранившиеся мумии — команду «Прогресса». Их разинутые рты с почерневшими языками постепенно заполнялись серым сухим пометом. Птичье дерьмо саваном укрывало тела, сосульками свисало со спутанного такелажа, бесформенными комками нарастало на рангоуте. В мое время все уже было засыпано и покрыто мохом, похоронено временем, как несбывшиеся мечты, как неудавшаяся любовь, погребенная под множеством повседневных мелочей. Так окончилась сушняцкая Гражданская Война, а неотвратимая расплата за грехи обернулась сокрушительной моральной победой Упорных, фанатиков-фундаменталистов наигнуснейшего пошиба. За год до катастрофы их всех до единого перебили, но даже спустя три века мертвые руки по-прежнему сжимали горло Сушняка.

Я знал все это, но видел лишь утес с белой и зеленой полосами.

Вдалеке сверкнули зеленые крылья — показались акулы.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, я оглянулся и поймал взгляд пары таких же темных, как мои, глаз, смотревших на меня сквозь пластик маски с белой и зеленой мишенями. Мерфиг был примерно одного роста со мной. Контакт длился не более секунды, а затем мы неловко повернулись в сторону стремительно приближающихся акул. Я вздрогнул. Не знаю, от чего, но точно не из-за акул. Как ни странно, хищники и их крылатые приятели не стали нас тревожить, а сосредоточились на облепленных пылью внутренностях, что мы вышвырнули за борт. Видно, звериное чутье подсказало им, что кит для них потерян и нет смысла в пустой агрессии. Смирившись с неизбежным, они держались за пределами досягаемости наших лопат.

Я вернулся на камбуз и занялся перегонкой своего варева сквозь неказистый, но сносно действовавший дефлегматор, сработанный мною из обрезков медных трубок. За обедом я растолковал Далузе, что такое самогонный аппарат, и она потеряла к моему сооружению всякий интерес — спиртное ее не привлекало. К ужину я стал обладателем почти унции грязноватой жидкости. То Пламя, что я выгонял из чистого жира, и которое столь высоко ценилось на черном рынке, было почти прозрачным. Я прикидывал, не стоит ли проделать все с самого начала. Ужин прошел без приключений. Смахнув небьющуюся посуду в грубый мешок, я потащил его на камбуз, где чуть не столкнулся с Далузой. Перед ней на столе, распластав крылья, лежала мертвая сушняцкая чайка; бледно-розовая кровь сочилась из трех глубоких ран. Далуза оцепенело смотрела на птицу, сложив собственные крылья за спиной и руки на груди.

Я нарочно загрохотал посудой, но было непохоже, чтоб она меня заметила. Заинтересовавшись птицей, я подошел поближе: размах крыльев около четырех футов, желтые глаза, остекленевшие и мертвые, с полупрозрачным нижним веком, клюв с мелкими острыми зубами.

Самое странное — лапы: длинные паутинно-тонкие сети с костяными грузилами. Ясно, что во время охоты чайка просто скользит над непрозрачной пылью и вслепую выуживает все, что может попасться у поверхности. Я стоял у Далузы за спиной, но она не отрывала взгляда от стола. Вот еще одна капля крови медленно скатилась по перьям. На лице женщины-птицы не было жалости, только полная отчужденность пополам с чувством, для которого у меня просто не было названия. Да и ни у кого из людей не могло быть.

— Далуза, — мягко позвал я.

Она подпрыгнула, раскинув крылья: врожденная привычка летающих существ. Когда она опустилась, пол отозвался гулким

звоном. Я глянул вниз: на ногах у нее были сандалии из китовой кожи. Ремешки перехлестывали ступню и сходились над пяткой. Между пальцев выступали стальные иззубренные крюки — искусственные когти.

— Ты, я смотрю, охотилась, — обронил я.

— Охотилась…

— И кое-кого поймала.

— Да…

— Хочешь ее съесть?

— Съесть?… — отозвалась она безо всякого выражения и растерянно посмотрела на меня. Она была прелестна. У меня даже возникло садистское желание поцеловать ее. Я еле сдержался.

— Ты надела когти, — заметил я.

— Да! — взвилась она. — Прежде у каждого из нас были такие. — Молчание. — Знаешь… Я говорила тебе, что была там, где наши расы впервые встретились?

— Какая-то экспедиция? — я не был уверен.

— Да, именно так они себя и называли.

— Вряд ли обошлось без Академии, — подумал я вслух.

— Что?

— Так. А что там случилось?

— Они говорили с нами, — она медленно водила кончиком пальца по кромке крыла мертвой чайки. — Как прекрасны были их голоса. Сколь мудры были они. Я пряталась в стороне, в тени, но мое сердце рвалось к ним. Их походка, их постоянный контакт с землей поражали воображение. Они были так тверды и устойчивы. Но старейшины выслушали их и разгневались. Они налетели на пришельцев и растерзали их, разорвали на куски. Я, всего лишь дитя тогда, ничего не могла поделать. Я могла только любить их и плакать по ночам в одиночестве. О, даже кровь их была красива, густая и алая, как лепестки цветов. Не то, что у этой…

В люк стукнули три раза. Калотрик.

— Открыто! — крикнул я, и Калотрик ввалился, на ходу стягивая маску. Заметив Далузу, он остановился как вкопанный.

— Вам надо поговорить, — решила она. Взяв с буфета ухват, она вытащила из духовки закрытое блюдо. — Я поем с матросами.

— Что ты, останься, — попытался возразить я. Задержавшись на мгновение, она одарила меня таким чувственным взглядом, что мне стало не по себе.

— Мы еще поговорим, — шепнула она, подхватив свою маску в китайском стиле: совершенно белая с единственной кроваво-красной слезой в уголке правого глаза. Калотрик, мявшийся у

входа, прижался к стенке, пропуская ее. Хлопнула дверца люка.

— Вот страшилище, — затряс головой Калотрик. Несколько светлых прядей упало ему на глаза, он смахнул их рукой. Под ногтями у него скопилась грязь. — Слушай… у тебя с этой… — он тщетно пытался подобрать слово, — с ней ничего ведь нет?

— И да, и нет, — ответил я. — Могло бы быть, если б было возможно. Но этого — точно нет.

— Да что с ней вообще может быть? — негодующе воскликнул он. Похоже, сегодня он был не в себе. Я пригляделся — и точно, глаза подернулись желтым. Он явно страдал от недостатка Пламени. — А как же Миллисент?

— О чем речь! — соврал я, не моргнув глазом. После того, как она меня подставила, я к ней и близко не подойду. — Но, впрочем, любовь — не больше, чем временное помешательство…

— Ага, вызванное сексуальной недостаточностью, — перебил Калотрик. — Но от этой твари мне дурно делается. На вид-то она ничего, но ведь это все хирургия, ты же знаешь. Если б не чей-то скальпель, у нее бы до сих пор были огромные уши, когти и клыки. У нее тут свой отдельный тент — так говорят, она спит там вниз головой, уцепившись ногами за распорку.

— Бог с ней, — подобный разговор начал меня раздражать, и я решил сменить тему, — а что ты скажешь об акулах?

— Акулы? Знаешь, этот Мерфиг недавно мне плел что-то о них. Он уйму времени убивает, просто глядя на них — ничего не делает, только смотрит. Говорит, будто они чуют смерть но расстоянии, даже до того, как она случится. Парень такой же двинутый, как Десперандум. Да, раз уж речь о Мерфиге… как там наши дела движутся?

Я открыл шкаф и вытащил флягу, на дне которой плескался синкопин.

— То, что надо! — нюхнув, одобрил Калотрик. Он извлек свой пакет и под завязку наполнил его. — Ух ты, черный какой… Завтра первым блюдом он его и получит.

— Только не перелей, — заволновался я, — может оказаться слишком крепким.

— Да-да, конечно, — отмахнулся Калотрик, — я осторожненько… А ты заметил сегодня, что за чудо этот планктон? — Он натянул маску, спрятал Пламя за пазуху и вышел.

Я же уселся за стол и принялся очищать дистиллятор — рано или поздно придется выгнать с его помощью немного спирта, хотя бы для того, чтоб отвести глаза Далузе. Заодно я решил разобраться со своими чувствами к этой женщине; похоже, тут замешано несколько мотивов, и не последним из них был тот

особый трепет, в который меня погружало ее присутствие. Тебе это может показаться странным, читатель, но поставь себя на мое место — наверняка тебе приходилось ощущать у себя на шее дыхание знакомой, подружки, любовницы? Вспомни, как возбуждающе это действовало, как все в тебе подымалось навстречу… А теперь представь, что с тобой — Далуза, с таким горячим телом… Так, теперь вспомни, что с тобой делалось, когда у нее начинало быстрее биться сердце. У Далузы пульс в два раза чаще в любое время. Думаю, тебя увлечет идея женщины-загадки? Пожалуйста — инопланетное происхождение Далузы навсегда окутало ее завесой тайны. И, наконец, она была само совершенство. Что с того, что красота эта — дар хирурга? Никто не будет возражать, что главное для нас — то, что внутри человека, а отнюдь не то, что видят все. Любой согласится с этим вне зависимости от того, верит ли он в это на самом деле.

Вот основные составляющие моего влечения. Но было еще кое-что, в чем, вполне вероятно, Далуза сознательно провоцировала меня. В каждом из нас упрятаны садомазохистские наклонности. Мои, похоже, очень сильны, хоть мне и удается сдерживать их. Давным-давно я осознал, что пристрастием к наркотикам убиваю себя. Это просто стало еще одним кусочком меня. Но ведь жестокость к себе — первый и главный шаг в сторону жестокости к другим. Я думал об этом, пока мне не надоело. И тогда я решил взглянуть на планктон, о котором мне напомнил Калотрик.

Когда я выбрался наружу, последние лучи убегали с самой верхушки восточной стены кратера. Пришла ночь.

Выглянули звезды, море отозвалось слабым зеленоватым сиянием. Приблизившись к поручням, я увидел, что все пространство вокруг «Выпада» заполнено светящимся крилем.

Нет слов, чтобы описать это. Я стоял и улыбался под маской; я был счастлив, что судьба привела меня сюда. Я радовался жизни — жизнь нужна мне, чтобы видеть все это.

Когда я свесился за перила, передо мной промелькнула смутная крылатая тень, оставив в плотном ковре сверкающих кристаллов темный след. Сияющий сгусток плавно поднялся над поверхностью и поплыл к кораблю. Зеленые угли обрушились на мои плечи потоками необжигающей лавы, разбежались по палубе. Налетел ветер, и рядом опустилась Далуза. К ноге ее была подвязана черная паутинно-тонкая сеть.

Драгоценности были собраны отрезанной лапой чайки.

6. Буря

За завтраком Калотрик сел рядом с Мерфигом, подмигнул мне, и, спрятав пипетку в кулаке, впрыснул в его кашу огромную дозу нашего зелья. Мы оба с беспокойством следили за тем, как юный сушнец преспокойно опорожнил свою миску, поднялся из-за стола и твердым шагом покинул обеденный тент. Зная, что синкопин всегда производит мгновенный и сильный эффект, я тем не менее еще с час наблюдал за юнгой. Ничего. Наркотик явно оказался слишком слабым. Я дождался, когда забьют очередного кита и умыкнул два ведра требухи. Калотрик застал меня за работой.

— Не пойму, в чем дело, — оправдывался я. — Может, Пламя получается только из определенного органа. Селезенка там, или поджелудочная железа…

— Как же, селезенка, — брюзжал Калотрик. Последнее время он явно был не в себе; глаза его пожелтели и покрылись сетью лопнувших сосудов. — Хрен тебе. Ни ты, ни я ни шиша не смыслим в анатомии, особенно китовой. Может, у них и вовсе нет селезенки.

— Будем делать все, что возможно, — успокаивал я, — рано или поздно сделаем так, как надо. Не хочешь сам попробовать? Вдруг Мерфиг просто физически чем-то отличается?

— Придумал мне новую пытку? — озлобился Калотрик. — Мы ж его пичкаем этим уже четвертый день, и ничего. Ни-че-го! А тебе хоть бы хны, как я погляжу. Что-то больно легко ты это переносишь. Спокоен, как рыба, ни тебе дрожи, ни ломки. Наверно, у тебя припрятано что-нибудь, а ты молчишь? Бутылка, например.

— Две! — огрызнулся я.

— Ты хорошо устроился, ты в курсе? Прохлаждаешься тут, внизу. Готовишь так называемую еду. Не перебивай меня, ты! Знаешь, каково мне там, наверху? Они гоняют меня, как собаку, поручают такое, о чем я впервые в жизни слышу, а я даже переспросить не могу, пока на мне эта хренова маска! Мне приходится снимать ее и кровенить глотку. Ну ничего, я им каждую пылинку припомню. Чтоб они передохли все! Да на этой лоханке каждый поганый шнурок на свой лад обозван. Одних фордунов три штуки разных. А паруса — фоки и форы, бизани и крюйсы… Думаешь, нормальный человек может все это запомнить? Вот они и посылают меня на самые дерьмовые работы, куда больше никто не идет. Ты это видел?

Калотрик сунул мне под нос кулак. Кожа на костяшках была

содрана. Сама рука заметно дрожала.

— Сегодня утром я перетаскивал запасной генератор. Я корячился, а Грент стоял рядом, чистил ногти и указывал, что делать. А сейчас я должен заняться системой переработки отходов — канализацией! И никакой тебе воды, чтоб ополоснуться. Ветоши — и той не хватает. А-а-а-ах, мы каждую каплю бережем. А в трюмах — десятки бочек с чистейшей водой. Груз, говорят, для Острова-на-Взводе. Начальство моется каждый день, а мы должны жариться на палубе…

— Ты сам напросился.

— Не трави душу.

— И ты не единственный салага на борту.

— Мерфиг родился здесь. Есть разница. Впрочем, с ним я еще разберусь.

— Не бери в голову, — вяло подбодрил я. — Сегодня к вечеру будет готова новая партия. Полбутылки. На этот раз должно получиться, если вообще суждено…

Пару секунд Калотрик мрачно смотрел на меня, а потом поднялся на палубу. Человеческая кровь ядовита для китов, подумал я. Интересно, сколько акул сдохнет, если я вышвырну Калотрика за борт?

Перед самым ужином Калотрик заглянул ко мне на камбуз.

— Сделал? — спросил он, едва стянув маску.

— Сделал, — успокоил я. — Но я тут подумал. Странно. Как ни крути, сушнецы живут здесь уже пятьсот лет. Я бы не удивился, если б к этому времени они все поголовно сидели на Пламени. Или по крайней мере знали о нем.

— Ну и что? Не тяни резину.

— Подожди и послушай, — продолжал я, стараясь не вспылить. — Не знаю, известно тебе или нет, но первопоселенцев на Сушняке было всего ничего. Человек пятьдесят, не больше.

— Ради всех Забытых, о чем ты? — Калотрик не на шутку пристрастился к сушняцким присловьям.

— Слушай дальше. Видишь ли, первое поколение полностью клонировали, чтобы приспособить к местным условиям. Волосатые ноздри, тяжелые веки, и все такое, понимаешь? От первых пятидесяти прямых потомков вообще не было — они все стерилизовались. Кто знает, может от этих генетических манипуляций сушнецы приобрели и иммунитет к Пламени.

— Иммунитет? — ужаснулся Калотрик.

— Почему бы и нет. Я вполне допускаю такую возможность. Основатели вообще были против неортодоксальных наркотиков. Готов спорить, они знали о Пламени с самого начала. Они были психами, но не дураками.

— Это что же, выходит, что мы скормили этому ублюдку целую бутыль Пламени просто так, за здорово живешь? — Лицо Калотрика налилось кровью.

— Я не уверен. Я же не генетик.

— Давай сюда бутылку, — потребовал он. Я не стал перечить.

— Разумеется, все, что я говорил насчет возможных опасностей, остается в силе.

— Заткнись, — Калотрик вытащил пипетку, наклонил бутыль и набрал несколько капель. — Верно, я свихнулся, раз делаю это.

— Ничем не могу помочь.

— Впрочем… ну, подмажем судьбу! — Калотрик прыснул дозу на язык и сглотнул.

Мы подождали.

— Ну как? — не выдержал я.

Калотрик открыл было рот, но слова застряли у него в горле.

— Уххх! — в конце концов выдавил он.

— Раз так, то и я, пожалуй, подзаправлюсь. Одолжи-ка пипеточку, — я вынул инструмент из его онемевших пальцев. По уму, я должен был выждать и проследить, не возникнут ли какие-нибудь побочные эффекты, но я и сам весь горел. К тому же было ясно, что Калотрика основательно унесло. Его физиономия расцвела дурацкой улыбкой от уха до уха, а белки глаз начали терять болезненный оттенок. Я принял свою обычную дозу.

Когда я поднялся с пола, еда уже остыла и ее пришлось заново разогревать. Но оно того стоило.

При мысли о бутылке мне становилось тепло и уютно. Одному человеку ее содержимого хватило бы месяцев на пять, нам с Калотриком — месяца на два. Калотрик был в некотором смысле энтузиаст.

Бутылку я спрятал в буфете. Вечером, вымыв посуду (вернее, вычистив — я использовал песок, а не воду), я не удержался и принял новую дозу. Обычно одной мне вполне хватало на день, а большую часть времени я причащался и того реже. Ну, по крайней мере, значительную часть времени. Порой я даже завязывал на недельку-другую, однако при этом заметно возрастало потребление алкоголя, что мне не очень нравилось — проведя детство на окраинной планете, я вдоволь насмотрелся на жертв неумеренной выпивки. Конечно, я слабо представлял, к чему приведет достаточно долгое употребление Пламени, но зло неизвестное всегда привлекало меня больше, чем узнанное слишком хорошо. К тому же недавнее открытие просто взывало, чтобы его отметили. Воздержание тут неуместно. Я достал пипетку из тайника под крышкой стола и отмерил себе приличную порцию, может даже слишком. Выключив свет, я

улегся на койку, натянул одеяло до подбородка и принял. Мне едва хватило времени, чтоб засунуть пипетку под подушку.

Темноту вокруг заполнили видения. Повсюду, куда ни глянь, колыхались мерцающие призрачно-голубым светом сети. Их сменили дрожащие серебристые точки, кружащиеся в безумных хороводах. По позвоночнику прокатилась волна света, испепелившая остатки разума.

Кто-то переступил через меня. Я узнал его — это Ангел Смерти! Он не заметит меня, думал я, повторяя мантры: Покой, Мир, Сон, Тишина… Зачем он открыл буфет? Замок щелкнул громче выстрела! Бесформенные тени, отзвуки, далекие голоса… Я тщетно пытался собраться. В комнате кто-то чужой. Я приподнялся, опершись на локоть, но стены надвинулись на меня, и я рухнул обратно на подушку, беспомощно улыбаясь.

— Кто здесь? — спросил я, но получилось что-то вроде «ое». Дурной знак. Ничего не выйдет.

Донесся торопливый стук ботинок по трапу, открылся и вновь закрылся люк. Да это же старина Калотрик зашел за очередной дозой и не стал меня будить. Вот молодец! Как смешно — у него на голове растут грибы… Конечно, Калотрик — и чего я испугался? Я уснул.

Утром оказалось, что бутыль пропала. Мы здорово поругались с Калотриком: он все твердил, что я, мол, зажал ее для себя одного, а я считал, что это он припрятал ее где-то на борту. Третья возможность, что Пламя увел кто-то еще, здорово не понравилась нам обоим. В конце концов мы сошлись на том, что надо глядеть в оба и надеяться на лучшее.

«Выпад» мог оставаться у полуострова Чаек, пока вода не полилась бы изо всех щелей, но нескончаемая череда планет, изгаженных и ставших непригодными для человека, кое-чему научила местных жителей. Мы не стали задерживаться и отправились Долгим Путем, подставив паруса круговым ветрам Пыльного Моря. Погода на Сушняке не отличалась разнообразием. Между центром кратера, находившимся на экваторе, и его северной и южной оконечностью имелась некоторая разница температур, достаточная для поддержания слабой конвекции. Теплый воздух, поднимаясь, перемещался к северу и югу. Остыв по пути, он стекал по утесам и вновь возвращался к экватору. Рыхлая порода у основания склона постепенно выветривалась, и несколько раз в тысячелетие случались колоссальные оползни. Горы обломков на время предохраняли стены кратера от дальнейшего разрушения, но в конце концов ветер вновь добирался до скалы и продолжал свою работу. Казалось, ничто не в силах нарушить заведенный

порядок. Впервые я в этом усомнился, когда однажды утром меня разбудил низкий гул туманного горна. Сигнал не был мне знаком; раньше им не пользовались.

Капитан Десперандум выбрался на палубу, кинул взгляд на море и приказал убирать паруса. Присмотревшись, я заметил на юго-востоке неясную серую массу. Какой-то остров, решил я, наверно нас снесло за ночь.

Однако вскоре стало ясно, что мы сближаемся слишком быстро. Команда вовсю трудилась на вантах, сворачивая паруса. Взглянув на марс, я увидел там кого-то из матросов. Далузы нигде не было видно. Я заволновался. Палатки собрали и спустили вниз. Все, что можно, отправили в трюм, остальное тщательно принайтовили. На мои вопросительные жесты мистер Богунхейм ответил односложно: «Шторм».

Матросы один за другим попрыгали в люки. Я отправился за ними. Через камбуз все протопали в трюм и расселись на бочках, раскуривая свои вонючие трубки. Калотрик привалился к переборке; из-за пояса у него торчала пипетка. Завидев меня, он глупо хихикнул.

Далузы здесь не было. Я промчался мимо изумленного второго помощника и выскочил на палубу. Пожав плечами, Грент захлопнул люк — не погибать же всем. На палубе было непривычно пусто. Затем я заметил капитана — он стоял у входа в свою каюту с тетрадкой в руке и наблюдал за приближением шторма. Его розовую маску украшала россыпь синих математических символов.

— Изумительно, не правда ли? — воскликнул он. Динамики маски сильно истончили его выдающийся бас.

Я помахал руками и несколько раз подпрыгнул. Десперандум ошеломленно уставился на меня, а потом понял:

— А, наблюдатель. Разве она не со всеми? — Я помотал головой. — Ну, со мной ее тоже нет. Должно быть, задержалась на утреннем вылете. Жаль, жаль. Ее способности были весьма кстати. — Он с сожалением развел руками. — Не повезло. Такое бывает не слишком часто. Неблагоприятные условия, или землетрясение… Думаю, на том краю залива случилось необычайно сильное повышение температуры. Остается только переждать, и все. Пошли ко мне. Давай, не хватало еще и тебя потерять. — Десперандум взял меня за руку, увлекая за собой. Все равно, что кандалы надел.

Мы спустились в каюту. Капитан стянул маску и взъерошил свои короткие светлые волосы.

— А еще эти стекла, — пожаловался он, кивнув на окно в дальней стене каюты. — Сколько мне стоило достать и вставить

их… Когда все закончится, они будут пропускать свет, и только. Все насмарку.

Мне не терпелось вернуться на палубу. Способность связно мыслить покинула меня, вытесненная сумасшедшим желанием помочь Далузе. С показной небрежностью я снял маску, но провести Десперандума оказалось не так просто: как-никак, он жил на этом свете не первую сотню лет.

— Ты взволнован, — заметил он, — расслабься. Хочешь, я расскажу тебе кое-что о Далузе?

— Эй! — воскликнул я. — Да вон же она, за окном!

Как я и рассчитывал, капитан купился на этот старый трюк, я же, нацепив маску, взлетел по трапу и захлопнул люк, оборвав его негодующий вой. По крайней мере, думал я, у него хватит ума не соваться за мной. Но я не учел его любви к хорошей кухне. Люк распахнулся снова, а я едва успел откатиться за контейнер для проб. Десперандум сделал круг по палубе, потом взглянул на море и опрометью кинулся обратно в каюту. Щелкнул замок. Не было ни молний, ни грома; даже ветер утих. Я зачарованно смотрел на приближающуюся стену. Вблизи она уже не казалась такой гладкой, как прежде; языки пыли вырывались вперед подобно щупальцам кракена-исполина, решившего позавтракать маленьким утренним солнцем. Меня прошиб холодный пот: чересчур живое воображение уже рисовало мне, как первый порыв ветра снимет с меня кожу, покроет линзы маски морозным узором, обратит грубую резину в бессмысленные лохмотья, не способные защитить лицо от миллионов бритвенно-острых кристаллов. В считанные секунды от меня останется лишь кучка костей, быстро истончающихся под безжалостным напором пыли. С воплем я кинулся прочь, не разбирая дороги. А потом прямо перед собой я увидел крылатый силуэт на фоне рушащегося неба.

Вокруг завывал ветер, пылинки впивались в мои открытые руки и шею. Свет померк. Далуза уже не сопротивлялась; ее несло и кружило, как лист, к носу «Выпада». Я побежал за ней. Первый сильный залп ветра накрыл корму, отозвавшись басовыми струнами натянутого такелажа. Следующий удар пришелся по мне, но я устоял и оказался на носу как раз вовремя, чтоб еще раз увидеть стремительно теряющую высоту Далузу.

Когда она поравнялась со мной, я прыгнул и исхитрился поймать ее за ноги. Мы рухнули в море и ушли под пыль, но лишь на миг. Плотность у пыли выше, чем у воды, так что утонуть нам не грозило. Я схватил ее за спутавшиеся волосы и погреб к проходу между центральным и левым корпусами «Выпада». Пыль забила респиратор, и мне стоило больших усилий перестать судорожно глотать воздух, а, наоборот, резко выдохнуть.

Заложило уши, но фильтр очистился. Далуза тоже задыхалась, в беспамятстве царапая маску острыми ногтями. Упершись затылком в центральный корпус, я приподнялся из пыли и двинул ее кулаком в живот. Из фильтра брызнула пыль, Далуза смогла вдохнуть и конвульсивно обвила меня руками, облепленными пылью. Я и сам был покрыт коркой пыли, прилипшей к открытым участкам тела, так что бояться нечего. Рев ветра усилился, небо окончательно потемнело. Под «Выпадом» не было видно ни зги. Объятья Далузы стали слишком крепкими. Наверно, она не умеет плавать, догадался я, и решил ободряюще похлопать ее по спине. Это оказалось не так-то просто — ее бархатистые, но твердые крылья прочно спеленали меня. Наконец мне удалось высвободить руку, и ее хватка несколько ослабла. Я почувствовал, что корабль медленно движется. Плохо дело. Если его развернет по ветру, ураган доберется до нашего убежища и долго мы не протянем. Помогая себе ногами, я перевернулся на спину и постарался надежнее закрепиться между корпусами. Далуза уже отпустила мою шею и теперь тихо лежала на мне, вытянувшись в полный рост. Я почти полностью погрузился в пыль, выставив наружу только дыхательный фильтр.

Далуза с шелестом соскользнула с меня и пристроила голову мне на грудь; меня вытолкнуло на поверхность. Тепло ее тела ощущалось даже сквозь пыль и одежду, разделявшие нас. Если я вспотею, она может обжечься. Я с силой выдохнул и немного затонул, чтобы свежая пыль прилипла ко мне. Заволновавшись, Далуза обхватила меня за пояс. Вокруг по-прежнему царила непроглядная темень; я ориентировался только наощупь. Где-то снаружи гулко завывал ветер, да песок терся о корпус, как наждачная бумага.

Похоже, на некоторое время мы в безопасности. Успокоившись, я осознал некоторую эротичность нашего положения. Вывалленной в пыли рукой я приобнял Далузу за плечи и почувствовал, как мощные летательные мышцы напряглись и вновь расслабились. Ее щека оставалась у меня на груди, а рука вытянулась и принялась поглаживать мою щиколотку, неожиданно напомнив мне о том, насколько она все-таки отличается от меня. Мной овладела странная смесь из страха и желания. Далуза ласкала мои ноги, забираясь все выше и выше. Ощущение само по себе не очень приятное — кожа зудела от пыли, расклешенные штанины задрались и терли под коленями. Но, если вдуматься, наши отношения носили столь отвлеченный характер, что любой контакт, даже самый пустячный, представлялся непропорционально значимым. Я гладил ее пыльными руками, не решаясь на большее — она может

всполошиться, если я неосторожно сожму ее крылья. Так мы лежали несколько минут, поглощенные нашей неуютной близостью. Я чувствовал, как неистово бьется ее сердце. Вот ее рука еще глубже проникла внутрь штанов, пробираясь по внутренней стороне бедра. Дюйм за дюймом ее пальцы ползли по моей коже, вызывая пугающие по своей силе реакции. Было что-то жуткое в том, как я лежал на спине, в темноте, весь в пыли, в то время как лихорадочно жаркие пальцы Далузы скользили по моей ноге. Теперь уже и мое сердце билось как сумасшедшее, а руки жили своей жизнью.

Наконец рука Далузы завершила свой путь и крепко сжалась. Меня затрясло; ощущение было настолько сильным, что я с трудом опознал его как сексуальное. В тот же миг Далуза задрожала и прильнула ко мне. Похоже, после этого я отключился.

Как бы то ни было, когда я открыл глаза, вовсю светило солнце. Далуза прикорнула у меня на плече. Отталкиваясь от центрального корпуса, я стал выбираться из тени «Выпада».

Разбуженная ярким светом, Далуза встрепенулась, оперлась на меня и взмыла вверх, обдав меня пылью, осыпавшейся с крыльев и длинных волос. Я подобрался к борту корабля и кое-как сумел уцепиться за гладкий край палубы: весь пластик сожрала буря. Подтянувшись, я ухватился за нижние перила; они подались под моим весом. Верхний поручень был еще больше изъеден ветром, и, когда я взялся за него, раскололся и рассек мне ладонь. Пыль жадно впитывала выступившую кровь. Оправившись от удара о корпус, я со стоном протиснулся под перилами. И попал на незнакомый корабль. На чистый, безупречно чистый, гладкий как полированное серебро; лишь за мачтами и контейнерами осталось немного пластика. Некоторые реи исчезли, оставшиеся блистали на солнце. Некоторое время я любовался собственным отражением в палубе. Покрытый серой коркой, я походил на призрак какого-то несчастного инопланетянина. Пыль сыпалась с меня при каждом движении. Камбузный люк со скрипом приоткрылся и оттуда опасливо высунулся первый помощник, мистер Флак. Критически осмотрев чистое небо, он пригнулся, чтоб подать знак оставшимся внутри и тут заметил посреди сияющей палубы меня. Я представил, как он сейчас думает: «Господи Боже! Бедный малый. Ветер снял с него кожу и заменил пылью. Его заживо мумифицировало. Надеюсь, он не очень страдал».

— Спускайся вниз и почистись, Ньюхауз, — крикнул он, выпрямляясь. — Скоро обед.

Я ждал, пока команда выберется наружу. Последним

появился Калотрик и, проходя мимо, в целом весело похлопал меня по плечу, выбив облако пыли. Пройдя через статическое поле люка, я избавился лишь от части пыли; она продолжала изливаться из штанин и из-под рубашки при каждом шаге. Не снимая маски, я разделся и выбил одежду о стол, разогнав пыль по всему камбузу. На секунду приснял маску, чихнул и снова надел. Придется подождать, пока все осядет, и тогда уж начать убирать. Проковыляв к цистерне, я открыл кран и смочил кусок ветоши.

Обтираясь, я чувствовал себя сибаритом.

В рюкзаке нашлась смена белья, я переоделся и, вооружившись метлой, принялся гонять пыль из угла в угол. Чище от этого не стало; все, чего я добился — это еще больше рассадил руку. Капли крови собирались на кончиках пальцев.

— Ты как, в порядке? — спросила Далуза, спускаясь по трапу.

— Да что со мной сделается, — улыбнулся я, польщенный ее заботой, — так, расшибся малость, пока на палубу забирался. И руку вот порезал, — я продемонстрировал рану.

— О! У тебя кровь! — она шагнула ко мне.

— Ерунда, — отмахнулся я. Она уставилась на мой порез, как богомол на муху. — А у тебя как дела? — неуверенно поинтересовался я.

— Хорошо. Я летела с той же скоростью, что и буря — она не могла мне повредить.

Но моя одежда теперь никуда не годится, посмотри. И верно, тонкая белая материя вся покрылась серыми пятнами — самые мелкие пылинки ухитрились застрять в полимере.

— Может, удастся отстирать? — предположил я.

— Зачем? У меня много материала — сделаю новое.

Повисло неловкое молчание. Я отставил метлу и приложил к порезу платок. Кровь никак не останавливалась.

— Джон… Там, под кораблем…

— Что?

— Мне понравилось.

Наши глаза встретились. Если б она была обычной женщиной, а я — обычным мужчиной, мы бы поняли друг друга. Как утверждают поэты, глаза — зеркало души. Но, впрочем, какой мужчина возьмется судить, что у женщины на уме?

Она еле слышно спросила:

— А тебе?

— Очень.

— Поцелуй меня, Джон, — она подошла так близко, что я ощутил жар, исходящий от ее тела.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

Она закрыла глаза и запрокинула голову. Я спрятал руки за спину.

— Тебе будет больно, — прошептал я, сдаваясь.

Ее идеально очерченные губы чуть приоткрылись. Я наклонился и с осторожностью ученого, исследующего хрупкий образец, притронулся к ним своими губами. Она ответила с отрешенной страстью, от которой все окружающее, казалось, готово рухнуть в один момент. Мороз пробежал по коже. Я, наверно, испытал то наслаждение, которое доступно лишь убийце в миг торжества. Слезы навернулись на глаза, когда ее горячий шелковистый язычок скользнул по моему небу. Я уже не сдерживался. Ее зубы оказались необычайно острыми, и еще я ощутил странный вкус, какого нет ни у кого из земных женщин. Ее дыхание опаляло мне щеки. Наконец мы оторвались друг от друга. Прямо на глазах ее губы начали краснеть и покрываться серым налетом. Далуза молчала, но слезы тонкими струйками катились по щекам и распухшим губам.

Я поднес руку к ее лицу и с силой сжал кулак. Едва затянувшаяся рана снова открылась, и кровь закапала на пол. Каждый из нас стоял и смотрел, как страдает другой.

7. Арнар

«Выпад» требовал ремонта, и Десперандум взял курс на архипелаг Пентакля. На крупнейшем из островов располагался третий по величине город Сушняка — Арнар. Через три дня мы вползли в бухту. Капитан, переговорив с руководством верфи и уладив необходимые дела, отпустил всех на берег, оставшись в одиночестве приглядывать за кораблем.

Команда чинно спустилась по трапу и проследовала мимо помятых ржавых доков к одному из массивных лифтов в стене утеса. Просторная кабина со скрипом двинулась по стальным направляющим, тянувшимся ввысь, до самого города. Никто не проронил ни слова; мы с Калотриком, проникшись общим настроением, тоже хранили молчание. Далузы с нами не было — наверно, она поднималась вверх на теплых воздушных потоках. За последние три дня мне так и не удалось остаться с ней наедине — забрав из кухни часть пищевых концентратов, она почти не показывалась из своего тента. Встречая ее на палубе, я не решался заговорить с ней — ее китайская маска с кроваво-красной слезой с некоторых пор смущала меня, да и она, похоже, избегала разговора — может, сожалея о своем поступке, а может — страдая от последствий поцелуя. Так или иначе, я решил не беспокоить ее. Лифт, подрагивая, полз по стене утеса, молы с прилепившимися к ним китобойными и торговыми судами становились все меньше и меньше. Воздух стал прозрачней, и я смог окинуть взором Море Пыли, подернутое серой дымкой, до самого западного края кратера. Сейчас он был от меня дальше, чем когда-либо прежде, и в то же время отчетливее: пыль осталась внизу и не мешала взгляду. С трудом верилось, что та полоса на горизонте, не больше шести градусов — на самом деле нагромождение скал в семьдесят миль высотой. Это напоминало, скорее, надвигавшийся шторм. Впрочем, растрескавшаяся стена на востоке, заслонявшая полнеба, не оставляла сомнений в том, что все мы копошимся на дне исполинской тарелки — в этих местах утро наступало не раньше полудня, первую половину дня лишь западные вершины, выдававшиеся за пределы атмосферы, освещали города Пентакля серебристым отраженным светом.

Когда воздух приобрел пронзительную ясность, отличающую города Сушняка, я решился снять маску и осторожно принюхался — похоже, чисто. Вдохнув полной грудью, я отвернулся от поручней. Вся команда, набычившись, смотрела в мою сторону. Не иначе, я нарушил какое-то неписаное правило, догадался я, и снова напялил маску.

Наконец нас тряхнуло особенно сильно, и лифт застыл на террасе, огороженной со стороны обрыва стальной сеткой семи футов высотой, служившей гарантией того, что даже в дымину пьяный матрос не рухнет вниз и жидкость его тела не пропадет впустую в прибрежной пыли. Второй помощник толкнул скрипучую дверь, и я попытался покинуть кабину.

Не тут-то было — все как по команде ринулись к выходу, меня отпихнули в сторону и крепко приложили лицом к сетке. Чертыхаясь, я похромал за остальными, зарекшись лезть вперед. Нагнал я их только на Межзвездной улице — главной артерии здешнего района красных фонарей. По обе стороны широкого проспекта выстроились бары, ночные клубы, борцовские ринги, залы игровых автоматов и дома терпимости.

Я поспел как раз вовремя, чтоб увидеть, как Флак сорвал с себя шахматную маску и огласил окрестности воплем, от которого задрожали стены домов. Заученным движением все стянули маски и прикрепили их к кольцам на поясе. А Флак тем временем выплясывал вдоль улицы, во всю мощь своей глотки горланя замечательный в своем роде текст:

— Я Флак, первый помощник на «Выпаде» — лучшем корабле во всем флоте! — Матросы дружно ухнули. — Я крепок как пружинная сталь и высок как грот-мачта! Я оставляю следы на бетоне и крошу скалы своим кулаком! Я собью летучую рыбу плевком и загрызу акулу в схватке один на один! Гарпуны для меня — зубочистки, а ногти я чищу отбойным молотком!

Флак, подбоченясь, закружился на месте, потом высоко подпрыгнул и успел трижды щелкнуть одним каблуком о другой. Такое достижение было встречено дружным свистом и аплодисментами команды. Вокруг постепенно собиралась толпа, состоящая преимущественно из броско разодетых шлюх и их сутенеров. Среди них затесалось с дюжину просто зевак и несколько матросов с других кораблей, выделявшихся загорелыми руками и бледными лицами.

Следующим номером выступал Грент:

— Разойдитесь, разойдитесь, дайте мне пройти или я сам расчищу дорогу от ваших трупов! Не стойте на пути, мелюзга! Я опускаю руки в океан и достаю камни с самого дна! Не гневите меня, не то я обрушу стены Сушняка и выпущу ваш воздух! Одной рукой я завязываю мачту в узел, а в другой плавлю сталь!…

Догадавшись, что это представление может чудесно обойтись без нас, я потянул Калотрика за рукав и мы, никем не замеченные, юркнули в какую-то подворотню.

— Слушай, славный скверик! Давай вжаримся, что ли? — Калотрик вынул пипетку и прислонился к рекламному щиту,

приглашавшему воспользоваться услугами татуировочного салона. Достав из кармана рубашки пакет, он набрал устрашающую дозу Пламени и передал мне.

— Монти, я столько не потяну, — запротестовал я.

— Тысяча чертей, Джон, разве это доза для такого крепкого парня? — он отобрал у меня пипетку и запрокинул голову. — Видишь? — Он опустил пипетку в пакет и набрал не меньше прежнего.

— Я, пожалуй, воздержусь. Надо хоть что-нибудь оставить нашим друзьям из Нового Дома.

— Брось ты! На всех хватит! Сколько, думаешь, мы еще китов поймаем? Двадцать? Тридцать? Как вернемся — ты будешь литрами его мерить. Ну как, точно не хочешь?

— Не так много.

— Что ж, как знаешь, — пожав плечами, Калотрик заглотил вторую порцию.

— Ты его разбавил, точно? — сообразил я. Вынув пакет из его обмякших пальцев, я набрал себе четверть пипетки. — За Эрикальда Свобольда, — провозгласил я, — да будет земля ему пухом. Он это заслужил.

— Кто-кто?

— Эрикальд Свобольд. Он открыл Пламя. Во всяком случае, так считается.

Я принял свою дозу. Эффект был незамедлительным и мощным: заряд синего электрического света взметнулся вверх по позвоночнику и напрочь позамыкал тщательно выверенные нейросхемы, ввергнув их в искрящийся хаос. Вслед за Калотриком я привалился к стене, беспомощно улыбаясь.

— Ты ничего не хочешь, красавчик? — заворковал у меня над ухом чей-то голос. Я быстренько спрятал Пламя за пазуху и постарался сгрести свои разбежавшиеся шарики в кучку.

Пока я отъезжал, во двор забрела сушняцкая бабочка. На ее не юном уже лице выделялись острые скулы, покрытые разноцветным гримом.

— Покувыркаемся, морячок?

— Я… не… э-э-э… нет.

— А я бы, пожалуй, прилег, — пробормотал Калотрик, сползая на землю.

— Я тебя провожу, дорогуша, — она помогла ему встать, — я знаю одно местечко, как раз для тебя, — обхватив Калотрика за талию и устроив его руку на своих неслабых плечах, она с материнской нежностью погладила торчащий у него из заднего кармана бумажник. Мне она подмигнула; ее раскрашенное лицо сияло нестерпимо ярко для моего опаленного Пламенем

сознания. — Удачи, китобой. Загляни как-нибудь в салон мадам Энни. Спроси Мельду. Когда они окончательно скрылись из виду, я медленно набрал полную грудь холодного воздуха. Похоже, все вокруг начинало возвращаться по местам, но я забыл о чем-то важном… какое-то поручение… Ах, да! Бренди! С крайней осторожностью я вышел на улицу и встал на самый медлительный тротуар. Прошло немало времени, прежде чем я выбрал среди проплывавших мимо баров один не слишком подозрительный и сошел с дорожки. Буквы, покрытые зеленой светящейся краской, добываемой из сушняцкого планктона, складывались в название: «Бар и Гриль Меркля».

Я прошел внутрь и пнул медный рычаг у основания стойки. Показался Меркль, приземистый, лысеющий мужчина с загорелым лицом и щеголеватыми усиками.

— Чего налить, моряк?

— Смешай-ка мне ерша, — прорычал я; ни дать ни взять — настоящий морской волк.

— Это что еще такое? — Я объяснил. — Извини, такого мы не держим, — поджав губы, сообщил Меркль, — ничего крепче десяти градусов.

— Почему?

— Потому, что это незаконно. — Мог бы и сам догадаться.

— Тогда эля.

Вскоре мне представилась возможность убедиться, что низкий процент алкоголя в напитках не может вынудить достаточно целеустремленного сушнеца оставаться трезвым. Я как раз избавлялся от привкуса Пламени во рту, когда один из посетителей бара с воинственным ревом смял жестяную кружку о голову собутыльника. Тот не растерялся и сшиб обидчика со скамьи своим здоровенным кулаком.

— А ну, прекратить сейчас же! — гаркнул Меркль, доставая длинную алюминиевую палицу, усаженную бронзовыми шипами. — Отправляйтесь на улицу и там уладьте свои разногласия, как подобает джентльменам.

— Я ему все зубы пересчитаю, — пообещал зачинщик, поднимаясь с пола и допивая остатки пива из мятой кружки. Вглядевшись повнимательней в его бледное опухшее лицо, я узнал Блакберна, гарпунера с «Выпада». Он и его противник, мускулистый сушнец, рыжая поросль в ноздрях которого соперничала по длине с усами, переругиваясь, пошли к выходу.

Я прикончил эль, стянул с ближайшего столика оставленные кем-то чаевые и заплатил по счету.

— Заказы с доставкой принимаете? — поинтересовался я.

— Само собой.

Заказав три кварты самого крепкого эля с доставкой в порт, я оставил номер дока, в котором стоял «Выпад».

На улице я нашел Блакберна с приятелем за прежним занятием — они катались по мостовой, развлекая быстро собиравшихся зевак. Я протолкался поближе. У Блакберна из волосатой ноздри капала кровь, у его оппонента была разбита губа. Ни тот, ни другой уже не могли толком стоять на ногах; их хватало только на то, чтоб изредка отоваривать друг дружку по корпусу. Слабели как драчуны, так и их кулаки, так что эффект каждого удара оставался прежним. После очередного тумака жертва издавала короткий басовитый стон, прерываемый судорожным свистящим вдохом. Наконец они остановились, измочаленные, беспомощно вцепившись друг в друга и тяжело сопя.

Медленно, сосредоточенно, через силу, рыжеусый сжал кулак. Блакберн обессиленно приподнял руку.

— К черту, — выдавил он сквозь распухшие губы, — пойдем лучше по бабам.

— Точно, — кивнул его противник. Они с трудом поднялись на ноги и поковыляли рука об руку в направлении веселого дома через улицу напротив, к несказанному разочарованию зрителей.

Выглянуло солнце — похоже, самое время пообедать. Ступив на тротуар, я покинул Межзвездную улицу и поднялся в более приличную часть города, где заказал бифштекс в ресторанчике под открытым небом. Кухня, к сожалению, оставляла желать лучшего — сушняцкие специи придавали мясу едкий привкус, а прилагавшийся на гарнир салат изобличал глубокое кулинарное невежество его автора. О чаевых не могло быть и речи.

Выйдя на улицу, я решил вернуться на «Выпад» и проверить, не там ли Далуза. Межзвездная оказалась запружена — какие-то парни устроили разборку прямо на проезжей части. Заметив в свалке несколько знакомых лиц, я счел разумным направиться в обход, через Портняжную улицу — иначе б меня неминуемо втянули в общее веселье.

Наверняка, на Портняжной когда-то и в самом деле обитали портные, но сейчас здесь обосновались продавцы масок. Каждая лавка поражала воображение обилием цветов и форм, я даже пожалел, что в моем рюкзаке осталось еще многое из того, что я приобрел вместе с маской на Острове. Казалось, с тех пор прошло много лет. С тех пор прошло всего два месяца.

Вверх по стене арнарского утеса лифт тащился как черепаха, и я заранее подготовился к не менее долгому спуску вниз. Какого же было мое удивление, когда кабина стала не то чтоб опускаться, а просто падать так, что мои ступни не касались пола.

Остальные пассажиры уже успели надеть маски и, плавая в воздухе, выглядели степенно, будто суд присяжных Конфедерации, выносящий смертный приговор. Я поспешил нацепить маску, прежде чем пыль доберется до глаз и легких. Последнюю четверть пути кабина тормозила, и я еле устоял на ногах. Нетвердым шагом вышел я к докам и глубоко вдохнул. Воздух на уровне моря был плотнее и богаче запахами.

На «Выпаде» работа кипела вовсю — одни рабочие перестилали палубу, приклеивая длинные полосы китового вара, другие трудились на свежепоставленных мачтах, натягивая оснастку. Я присвистнул: наверняка капитану пришлось основательно раскошелиться, чтоб добиться столь многого за столь короткое время. Другой капитан мог бы обратиться в арнарское представительство своей компании, но у Десперандума подобной поддержки нет. Все деньги, что он тратит — его собственные. Впечатляет.

Палатку Далузы куда-то убрали, и не удивительно — рабочие как раз настилали палубу в том месте, где она обычно стояла. Может, Далуза все-таки полетела в город? Я решил разузнать у капитана — он хоть и не очень одобрял мое увлечение (я уж всерьез подумывал, не точнее ли использовать слово «любовь»), но вряд ли стал бы скрывать.

Люк оказался незаперт, и я спустился по трапу в гостиную. На столе высилась гора немытой посуды. Я снял маску и постучал в дверь каюты.

— Открыто, — пророкотало из-за двери.

Едва войдя, я сразу почувствовал напряженную тишину, густевшую в комнате. Десперандум покачивался в своем кресле, а возле койки, буравя капитана глазами, застыл Мерфиг.

— А, Ньюхауз! — притворно обрадовался Десперандум.

— Я не помешал?

— Нет-нет. Матрос Мерфиг только что внес довольно интересное предложение. Не мог бы ты, Мерфиг, повторить все еще разочек? — Мерфиг, потупясь, смолчал. — Нет? Ну ладно. Мерфиг прослышал, что я в некотором роде ученый, и пришел ко мне… проситься в ученики. — Я молча слушал. — Однако, боюсь, матрос Мерфиг и я придерживаемся разных мнений относительно того, что есть научный метод. Матрос Мерфиг не постеснялся выразить свою точку зрения.

Мерфиг не мог больше сдерживаться:

— Вы думаете, мы варвары, так? — произнес он с нажимом. — Вы явились из ниоткуда в своих блестящих межзвездных кораблях и думаете, что встретились с низшей расой. Видит Бог, мы грешники. Видит Бог, мы не вняли

заповеданному, но это не повод смотреть на нас и наше знание как на пыль под ногами.

Десперандум снисходительно улыбнулся:

— Матрос Мерфиг расстроился, когда я показал ему, что его знание на самом деле является мистикой, а не наукой.

— Мы имеем глаза, — звенящим голосом продолжал Мерфиг, — и мы видим. Мы не говорим об этом вслух, но мы знаем, что в глубинах что-то есть, что-то древнее, страшное и сильное. Оно… они… живут там миллионы лет, в глубинах, учатся, живут, крепнут с каждым днем, пока наконец не достигнут того, чего мы себе даже вообразить не можем, пока не станут как… как боги нижнего мира.

— Боги нижнего мира, — закатив глаза, повторил Десперандум, — классика. Пойми, Мерфиг, я отказал тебе вовсе не из-за недостатка уважения к тебе лично. Ты славный матрос, но это все.

— А как же акулы? — чуть не плача, выкрикнул Мерфиг. — Я наблюдал за ними. Я много за чем наблюдал, — он метнул взгляд в мою сторону. — Они всегда приходят, когда мы убиваем кита. Они не могут его видеть. Они не могут почуять кровь, ее впитывает пыль. У них маленькие уши, они не могут его услышать. Но стоит только киту умереть, как они уже знают об этом. Я видел, как вы вскрывали одну из них, у них маленький мозг. И все же они жестоки и умны; умнее, чем положено зверю.

— Это мы уже проходили, — устало отмахнулся Десперандум. — У них есть летучие рыбы, забыл? Я думаю, ты и за ними наблюдал, маленькие такие штучки с крыльями и отлично действующими глазами. — Мерфиг ничего не ответил. — Еще что-нибудь, матрос?

— Только одно, капитан, — его голос дрожал от едва сдерживаемого гнева. — К концу рейса станет ясно, кто из нас ближе к Божьей истине. Я так скажу: вы подвергаете опасности не только свою жизнь, но и гораздо большее, чем жизнь, когда играете с тем, чего не способны понять.

Внезапно Десперандум от души расхохотался грубым басом. Ему понадобилось изрядное время, чтобы более-менее успокоиться.

— Прости меня, Мерфиг, — выговорил он, вытирая слезы с утонувших в веселых морщинках глаз, — за отсутствие должного уважения к твоему народу. Просто до сих пор я и представить не мог, сколь значительны ваши способности в области развлечений.

Бледное лицо Мерфига стало еще бледнее. Непослушными руками он кое-как натянул свою маску с мишенями и кинулся из каюты, одолев трап в три прыжка.

— На самом деле я не хотел обижать этого парня, — признался Десперандум. — Мне он нравится. Но, понимаешь ли, у него дурная наследственность. Когда колония состоит исключительно из мистиков и религиозных фанатиков не от мира сего; из тех, у кого рациональное на последнем месте… ты слушаешь, Ньюхауз?

— Да, сэр.

— А если прибавить сюда по сути своей жесткую и консервативную культуру… Все упирается в человеческий материал. Осциллоскоп из полена не сделаешь.

— Так точно.

Десперандум откинулся в кресле, со скрипом смирившимся с новой позой хозяина.

— С чем пришел, Ньюхауз?

— Хотел узнать, может вы видели…

— Ага, наблюдателя? Помнится, наша предыдущая беседа на эту тему была бесцеремонно прервана…

Я не стал оправдываться, лишь напустил на себя слегка смущенный вид.

— Вы не знаете, где она сейчас, сэр?

— Я тебя ценю, Ньюхауз, как человека, как терранца, ну и как повара, разумеется. За все время, что я мотаюсь по этому кратеру, я впервые нормально ем.

— Благодарю, сэр.

— С не меньшим уважением я отношусь к Далузе. Она со мной третий рейс. Но то, что творится между вами, ничего кроме дурных предчувствий во мне не пробуждает. Подумай, что может вынудить кого бы то ни было сменить планету, тело и даже биологическую принадлежность?

— Она рассказывала мне о своей несхожести с остальными…

— Она была уродом, — без обиняков уточнил Десперандум. — Она была так страшна, что никто из ее, хм, племени, не желал ни прикасаться, ни даже разговаривать с ней. Она была парией. А тут эта экспедиция — богоподобные существа в скафандрах высокой защиты. Они были не прочь поговорить. Они готовы были выложить свои идеи любому, кто согласился бы их выслушать. Однако, для предупреждения возможного вторжения, их разорвали на клочки. — Он пожал плечами. — Гонители Далузы вывозились в крови своих жертв и умерли в мучениях. Когда прибыла спасательная команда, Далуза была готова. Она отправилась с ними, чтобы лечь под нож.

— Я понимаю ее.

Десперандум нахмурился.

— Знаю, негоже применять человеческие мерки к чужаку, но

не приходило ли тебе в голову, что, возможно, Далуза не совсем нормальна?

— Капитан, нет никаких способов определения нормальности. Вы сами сказали, что нелепо мерять ее нашей меркой, ну а коль она безумна по их стандартам, не вижу, какое это может иметь значение для меня. Я просто понятия не имею, что считается нормой для ее народа, мало того — с ваших слов они производят не самое приятное впечатление…

— Ну а если я скажу, что это связано с кровью? С человеческой кровью, орудием ее отмщения? Что кровь — предмет ее обожания, даже сексуальный фетиш?

— Простите, капитан, но я не поверю, покуда не узнаю, откуда вам это известно.

На пару секунд в каюте повисло молчание.

— Ну, как знаешь, — подвел черту Десперандум. — Вернемся к делу. Я хочу, чтоб ты тщательней присматривал за Мерфигом. Он не станет подымать смуту, для сушняцкого китобоя это немыслимо. Однако, в последнее время он подозрительно себя ведет. То едва ходит, то носится как угорелый. Он словно находится под воздействием какого-то… — пока капитан искал нужное слово, я старался не дышать -…некоего религиозного экстаза. Для подобных культур высока вероятность чего-то вроде синдрома пророка. Если на корабле назреет недовольство, он обязательно станет предводителем.

— Я с него глаз не спущу, капитан.

— Отлично. Да, будь добр, на обратном пути прибери со стола.

— Капитан, — мягко напомнил я, — а как насчет моего вопроса?

В этот самый момент я убедился, что Десперандум на самом деле очень стар. На его лице отразились растерянность и страх; я уже встречал такое выражение — у Тимона Хаджи-Али и супругов Андайн, когда они лихорадочно рылись в накопленных веками воспоминаниях, рассыпанных по всем закоулкам несовершенного человеческого мозга.

Капитан быстро оправился:

— Наблюдатель. Она ждет на кухне. Ждет тебя.

Прихватив грязные тарелки, я надел маску, поднялся на палубу (рабочие по-прежнему трудились, не покладая рук) и спустился в камбуз. Локтем включив свет, я устроил посуду на столе. Далуза неподвижно сидела у входа в кладовую; маска не снята, руки скрещены на груди, крылья свисают, как бархатные занавеси.

Я уселся к ней лицом на столе, рядом с тарелками:

— Далуза, нам пора поговорить. Ты не снимешь маску?

Она подцепила ремешок на затылке и потянула его наверх. Ее движения были столь нарочито-неторопливы, что я начал терять терпение. Но сдержался. Далуза медленно сдвинула маску, удерживая ее между нами, так что я все еще не видел ее лица. Вдруг маска упала.

Я почувствовал, как оборвалось мое сердце. Клянусь, я явственно ощущал, как, выскользнув из сети вен и капилляров, оно ухнуло в желудок и дальше вниз. Мертвенное, изуродованное лицо Далузы расплылось у меня перед глазами. Меня затрясло, тошнота подступила к горлу, обеими руками я вцепился в край стола. Наверное, так выглядел бы человек, взявший в рот пропитанную кислотой губку. Ее губы раздулись, потеряли форму и стали похожи на фиолетовые сосиски. Белесые струпья мертвой кожи свисали с внешних краев, вся пораженная поверхность пещерилась желто-черными язвами.

Я отвернулся. Далуза заговорила. Меня потрясло то, что она все еще способна говорить, так что я чуть не пропустил ее слова. Речь была медленной и шепелявой; губы слипались на каждом слоге.

— Смотри, что ты натворил.

— Вижу, — я только увеличил бы ее страдания, если б уточнил, кто из нас виноват.

Она молчала; тишина так давила на меня, что я не выдержал:

— Я же не знал, что будет так… Наказание не идет ни в какое сравнение с тем несчастным обрывком удовольствия… Господь жесток к тебе, Далуза.

Ее губы зашевелились, но я ничего не расслышал.

— Что?

— Ты любишь меня? — повторила она. — Если да, то все в порядке.

— Я люблю тебя.

Когда я говорил это, я лгал. Но после того, как слова прозвучали, я с ужасом обнаружил, что сказал правду.

Далуза беззвучно разрыдалась. Прозрачные слезы, поблескивая, скатывались по безупречным, мраморным щекам, и исчезали, касаясь края губ. Забывшись, я кинулся утешить ее и остановился. В который уж раз, и наверняка не в последний, меня раздирало болезненное противоречие.

— Ты не веришь мне, — понял я с внезапной ясностью, — ты хочешь, чтоб мне было больно, как тебе. Твоя любовь — это боль, и ты не поверишь мне, пока я не разделю твоих страданий.

Далуза застонала — странный утробный звук, от которого кровь стыла в жилах.

— Почему, почему мы не можем даже прикоснуться друг к другу? Что я сделала? Что сделали со мной?

— А знаешь, у меня есть пара перчаток, — вспомнил я.

Далуза подняла на меня глаза и разразилась истерическим смехом.

— Перчатки? Зачем китобою перчатки? — она сорвалась с места, подобрала маску и, неуклюже взбежав по трапу, исчезла.

Я опустился на ее стул и принюхался. Определенно пахло духами.

8. Путешествие продолжается

Вычистив посуду, я снова решил прогуляться в город, но на полдороге к лифту встретил рассыльного от Меркля. Девственно-черная маска выдавала, что парень ни разу не был в море. Я расплатился и вернулся на камбуз. С помощью проволочного ершика и песка я, как смог, отскреб самогонный аппарат от остатков жира, залил в него эль и приступил к перегонке.

Однако, вскоре я проголодался и решил, что для первого раза вполне достаточно. Бутылку с мерзким зельем я спрятал в буфет. Оставалось радоваться, что пробовать мне его не обязательно. На этот раз я добрался-таки до лифта и, пока он неспешно взбирался по стене утеса, следил, как уставшее за день солнце оседает за горизонт. Край восточной стены кратера искрился в последних лучах, на лиловом небе проглянули звезды.

Межзвездная встретила меня светом неоновых вывесок (вернее, не неоновых, а биолюменисцентных — использование электричества в рекламных целях запрещалось законом). Под окнами борделя с полдюжины поддатых китобоев играли в слона, из дверей кабаков вырывалась громкая музыка — гудение тромбонов, заглушаемое натужным визгом сушняцких корнетов. Переступив через бормочущего во сне моряка торгового флота, я заозирался в поисках местечка поспокойнее. Особенно выбирать не приходилось, и я завернул в крохотную забегаловку, облюбованную местными старичками.

Техники, необходимой для продления жизни за пределы хотя бы одной сотни лет, на планете не было — обычное дело для культур с жесткими ограничениями на технологию. Девяносто лет — предел для среднего сушнеца, и седоноздрые ходячие развалины, в компании которых мне пришлось ужинать, служили наглядным тому подтверждением.

Хоть жители и мерли как мухи, общая численность населения оставалась более-менее стабильной на протяжении вот уже четырех веков. Стариков еле успевали распихивать по крематориям, однако практически каждый из них ухитрялся так или иначе обзавестись прямым наследником. Инопланетные социологи до сих пор спорят о влияниях, оказываемых недостатком детей на сушняцкую культуру. С другой стороны, на некоторых планетах из тех, где отсутствует контроль над рождаемостью, средняя продолжительность жизни (аборты не в счет) достигает от силы двадцати лет — детская смертность там невероятно высока. Для остальных же последнюю черту подводят страх перед будущим и подсознательная тяга к смерти — в

глубине души все мы стремимся умереть…

Но мне-то торопиться некуда, думал я, салютуя гнутой вилкой блюду кальмаров в тесте, отменный вкус которых не могли испортить даже косые взгляды завсегдатаев в мою сторону — видно, и для подобных ископаемых инопланетчик казался диковиной. Может, завести для маскировки парик на нос? Впрочем, не выйдет — веки у меня слишком нежные, тут и накладные ресницы не помогут… Поужинав, я спустил часть денег в казино — как раз столько, чтобы развлечься и не жалеть об этом, потом нашел гостиницу, достаточно чистую, отказался от предложенной управляющим грелки и собрался поспать. Не тут-то было: ватага бухих матросов то и дело возникала у меня под окнами, горланя похабные куплеты. Я так и не понял — то ли они маршировали вокруг квартала, то ли всякий раз выступал новый хор — могу лишь засвидетельствовать, что петь ни один из них не умел. Порядком намучившись, я так приложился к пакету Калотрика, что в ушах забил набат, а сознание умчалось куда-то в облаке синего пламени. Проснулся я поздно. На улице стоял невообразимый гвалт — «Выпад» угораздило прибыть в канун местного фестиваля, одного из самых значительных в году — Дня Плодородия. Празднество открывал борцовский турнир — забава не в моем вкусе, так что я предпочел спокойно позавтракать в баре при гостинице. Затем заглянул еще в пару мест, и к полудню еле держался на ногах. У дверей очередной пивной меня перехватила белокурая девица, предлагавшая по случаю праздника скидку. С необычной для сушнецов предупредительностью она пообещала ради меня даже подровнять шерсть в носу.

Предложение заманчивое. Просила она немного, выглядела опрятно, особенно не навязывалась… К тому же я пробыл в море целых два месяца! Однако общение с Далузой, похоже, разбередило во мне страсть к мазохизму.

Протянув девушке монету в три монума, я попросил оставить меня в покое. Как на грех, я совсем забыл об известной неприязни сушнецов к благотворительности — она наотрез отказалась брать деньги просто так. И тогда, руководствуясь какой-то безумной пьяной логикой, сейчас уже необъяснимой, я попросил ее разыскать матроса Мерфига с «Выпада» и передать ему извинения от Джона Ньюхауза.

— Извинения за что? — спросила она.

— Считаю до трех, — пригрозил я. — Или ты отправляешься выполнять мое поручение, или я отправлю жалобу в твою гильдию. — Блондинка поспешно ретировалась. К тому времени на улицах начался парад. Этот вид развлечений тоже не вызывал

у меня особого энтузиазма. Но доза в четверть пипетки исправила положение — я задержался на углу и принялся изучать цветные пятна, проплывающие мимо. Толком разглядеть что-нибудь не удавалось, помню только, как дюжина сушнецов, наряженная в костюм громадного черного кита, долго выплясывала передо мной, смешно болтая ногами. А может, мне это просто померещилось. Достигнув нужного состояния, я продолжал поддерживать равномерное свечение небольшими порциями Пламени.

Проголодавшись, я добрел до уличного мангала и умял несколько шашлыков под аккомпанемент невероятно большого и еще более бездарного оркестра. «Выпад» выходил на следующее утро; у меня оставалось еще немного времени — по крайней мере, до полуночи. В голове постепенно прояснилось, но я вовремя исправил это очередной дозой. По улице, что-то распевая в унисон, теперь тянулись толпы горожан в одинаковых розово-голубых костюмах. Будь я трезв, зрелище было бы совершенно непереносимым.

О Далузе мне до последнего момента удавалось не вспоминать, но мысль о том, что скоро меня снова запрут в эмоциональной скороварке корабля, ввергла меня в уныние. За ним последовали тошнота, безысходность, потерянность и слабость. Перед глазами встало разрушенное лицо Далузы. Мне показалось, будто из меня тянут жилы, причем от меня уже ничего не зависит, более того — от моих бессмысленных метаний может стать только хуже…

— Э, да ты, похоже, перебрал Пламени, — сказал я сам себе.

Неподалеку проворный хозяин какой-то распивочной устроил торговлю прямо на улице. Я заказал кружку; пиво, лишь немного отличавшееся по крепости от воды, тем не менее, обладало одним неоспоримым достоинством — его можно было выпить много.

После пятой, примерно, кружки, я обнаружил себя в жужжащей электричке, едущей в сторону северных доков. Оттуда ходили паромы к остальным островам Пентакля. Поезд тащился со скоростью миль шесть в час — обычный пешеход при желании мог бы передвигаться быстрее. Мне сразу захотелось выскочить наружу и подтолкнуть его, но я заставил себя расслабиться и откинулся на спинку обитого китовой шкурой сиденья. Сделал я это несколько неловко, задев соседку — почтенную матрону в платке, чью явную неприязнь к матросам мое инопланетное происхождение только усиливало.

Вагончик — тесная коробка из металла и пластика — вмещал не больше четырех человек; с обеих сторон двери приткнулось по лавке; одна по ходу поезда, другая — против. Я теперь протрезвел

достаточно, чтобы увидеть, что два сидящих передо мной торговца в полосатых пиджаках вызывающе меня разглядывают. Сделав вид, что ничего не заметил, я отвернулся к окну, свесив одну руку наружу (на стеклах сэкономили: на Сушняке дождей не бывает).

Здешние закаты впечатляют, размышлял я на обратном пути. Поезд возвращался из доков, почти все места заняли рыбаки, большей частью — ловцы креветок с положенными их гильдии завитыми в кольца и напомаженными усами. Солнце скрылось; ломаная граница тьмы медленно поползла по восточной стене кратера. Вчера я не смог в должной мере насладиться этим зрелищем — у подножия утеса взвешенная в воздухе пыль скрадывала детали и придавала свету розовый оттенок.

Тень поднималась все выше, за пределы атмосферы, где среди основной светло-серой породы встречались оплавленные участки, соперничавшие в блеске с несмелыми еще звездами.

Представление подходило к концу — стремительно тающий островок света задержался на мгновение на самой вершине скалы, сверкнул на прощанье и пропал, оставив невидимый теперь кратер во власти ночи.

В тот же миг, не иначе как скрупулезно рассчитанный бережливыми сушняцкими математиками, включилось уличное освещение. Само собой, чересчур слабое. Ожила и единственная в вагоне лампочка у нас над головами, разлив вокруг тусклый желтый свет.

Зато на освещение лифтов денег не жалели, не оставляя морякам ни малейшего шанса. Я присоединился к группе сушнецов, мрачно грузившихся в один из лифтов, и мы с убийственной скоростью ухнули вниз.

Со стены над доками били мощные прожектора, исключавшие возможность случайно оступиться в пыль в каком-нибудь из закоулков пристани. За границей искусственного света можно было различить слабое зеленоватое мерцание. Вокруг расплодилось несметное количество планктона, жирующего на проливаемой при разгрузке воде.

Ремонт на «Выпаде» уже завершился, даже палатки и баки заняли свои обычные места на свеженастланной палубе. Теперь правительственные рабочие из Синода Экологии грузили в левый корпус крапчатые китовые яйца. Работенка не из легких — каждое около фута в диаметре и весит порядка пятидесяти фунтов. Предполагалось, что за каждого пойманного кита мы должны вернуть Морю троих, но на деле большая часть яиц доставалась на завтрак остроклювым кальмарам; в полной безопасности киты могли чувствовать себя лишь на китовых

фермах. Одна из таких находилась на соседнем острове — там работящие сушнецы чуть не вручную заполнили большое природное углубление пылью и даже пытались вести селекцию. Ну просто двинулись на экологии, эти сушнецы. Поддержание равновесия для них превыше всего. А моему иссушенному Пламенем организму срочно требовалось восстановить потерянную влагу, и я первым делом отправился на камбуз за водой. Я уже успел выхлебать одну кружку и цедил вторую, когда по трапу скатился Калотрик.

— Можешь не рассказывать, — начал я. — Тебя обокрали. Выгребли все до последнего монума.

— Обокрали? — изумился он. — Деньги-то целы. У меня сперли Пламя!

— Так что, та баба тебя не обчистила?

— Да нет же, тысяча чертей, — раздраженно отмахнулся Калотрик. — Она взяла с меня полтора монума за койку и дала отоспаться. Я был не в настроении. Особенно с ней. — Он скривился. — Слушай, у тебя же осталось еще, верно? Давай делиться.

Тут я заметил, что белки его глаз подернулись желтоватым налетом, напоминающим пленку на поверхности застывающего воска.

— Твое Пламя у меня, — признался я, расстегивая карман, — мне показалось, что так будет спокойней.

Калотрик тут же выдернул пакет у меня из рук.

— А пипетка?

— Вот она.

Он с неприязнью посмотрел на меня:

— Какой ты заботливый, Ньюхауз. Просто ужас. — Уныло смерив взглядом явно понизившийся уровень жидкости, он зачерпнул двойную дозу. — Зато сам-то ты, гляжу, даром времени не терял.

— Я боялся, что у тебя будут шарить по карманам. Это ведь теперь вне закона, забыл?

— Тоже мне! С чего ты вообще взял, что эти придурки могут что-нибудь заподозрить? Я бы сказал — это лекарство.

— Ты бы не смог сказать даже, как тебя зовут!

— Не делай из меня идиота! — огрызнулся Калотрик. Запрокинув голову, он вкатил себе всю порцию и громко рыгнул. — Слушай сюда, ты! Пусть ты старше, но и я не младенец. Ты зажал почти все деньги и все Пламя. Ты должен дать мне бутылку, не меньше. Тем более, что ты и без того постоянно заправляешься за мой счет.

Он начинал меня доставать. Но я решил не показывать вида и

лениво переспросил:

— Бутылку, говоришь? И что ты с ней сделаешь? Куда ты ее спрячешь? Она тут же попадется кому-нибудь на глаза. Лучше просто заходи сюда в любое время и бери, сколько хочешь.

Калотрик захлопал глазами — Пламя делало свое дело.

— Пойми, братишка, — продолжал он несколько растерянно, — я ведь не подсел, не думай. Оно мне просто нравится, понимаешь? Мне лишнего не надо, но вдруг его опять утащат? Я должен иметь запас. Хотя бы на пару недель.

— Сколько?

— Сейчас… по четыре пипетки в день… ну, пару-тройку пакетов, я думаю.

— Дуй в Арнар за тарой — может, до полуночи успеешь обернуться.

Калотрик, щурясь, побрел к выходу. Четыре пипетки в день. Я бы на его месте быстро склеил ласты. А он, если не остановится, просто выжжет себе последние мозги. Даже если он и крепче, чем кажется, хватит его в лучшем случае на год. Ладно, это его мозги…

С первыми лучами солнца «Выпад» покинул порт. Вся команда в сборе, разве что после двухдневного оттяга сушнецы стали еще угрюмее (господь свидетель, я думал, что это за пределами человеческих возможностей — однако у них получилось). Завтрак прошел в обычном молчании; матросы безучастно очищали свои миски. Мы взяли курс норд-ост, и через две недели Пентакль скрылся из вида. В этой части Моря обитала забавная форма жизни — лилия-дутыш. Их колония раскинулась на несколько сот акров: тысячи круглых зеленых листьев, диаметром в несколько ярдов и с дюйм толщиной, усеивали все вокруг, раскрашивая серую поверхность пыли в веселый горошек. Любопытно, что эти растения очень чувствительны — если лист потревожить, он тут же сморщивается и втягивается в корень, небольшого размера шар. Тот, в свою очередь, немедленно прячется на небольшую глубину. Множество разнообразных существ жило в симбиозе с дутышем или паразитировало на нем. Десперандум изучил их самым тщательным образом, насчитав 257 видов организмов. Среди них встречались листоеды и листососы, точильщики листа и стебля, корнегрызущие и галлообразующие особи. Кроме того, имелось двадцать три вида хищников, пятьдесят пять первичных, девять вторичных и три третичных паразита. Особый интерес представлял небольшой шестиногий краб — из него получалась отличная похлебка. Когда лист, чувствовавший наше приближение, сворачивался и тонул, его пассажиры оставались барахтаться в пыли, и Десперандум

наловил целую гору всякой мелочи, просто волоча за кормой сеть. Некоторые дутыши цвели — на конце длинного прямого стебля колыхались белые пушистые метелки. Между ними, разнося пыльцу, сновали панцирные пчелы (без жала и несъедобные).

Никто не сомневался, что вечером удастся полакомиться крабовым супом. Порывшись в кухонном столе, я отыскал ржавое приспособление странного вида, диковинную помесь крупорушки и яйцерезки. Крабы по одному загружались в сетчатое углубление, щелкал разболтанный рычаг — и панцирь оказывался аккуратно расколот.

Обычно повар умерщвлял крабов в миске с собственной кровью. Сушнецы вообще довольно небрежно относятся к кровопусканию, о себе же подобного я сказать не мог. Мало того, Далуза (ее лицо почти полностью зажило; остались лишь едва приметные шрамы в уголках рта) вызвалась мне помогать. Выручило меня, как ни странно, мое виски — я нашел повод его продемонстрировать, а на крабов оно действовало не хуже крови, вызывая короткую агонию и быструю смерть. Я вскрывал мертвых крабов; Далуза извлекала их из панциря своими длинными острыми ногтями.

К сожалению, затея с перчатками ни к чему хорошему не привела — всякий раз, стоило моим рукам скользнуть по телу Далузы, она сжималась в дрожащий комочек и прятала лицо в крыльях. Я решил, что она переживает из-за того, что не может мне ответить, но после меня перчатки ей одевать было нельзя — мои руки, ясное дело, потели. Не подумав, я попробовал прокипятить одну перчатку — она развалилась на куски.

Мое живое воображение тут же подсказало не менее пяти способов воспользоваться оставшейся для получения обоюдного удовольствия, однако Далуза отчего-то и слышать об этом не желала, а при одном виде перчатки начинала плакать и убегала. Меня это просто сводило с ума — конечно, я предлагал не бог весть что, но ни на что другое в нашем положении рассчитывать пока не приходилось. Зато теперь Далуза все больше времени проводила со мной на кухне, изо всех сил стараясь казаться веселой. Сейчас она, излишне суетясь и неестественно улыбаясь, помогала мне готовить. Меня этот спектакль тронул настолько, что я позволил ей остаться и не выпроводил из камбуза, хотя в одиночку управился бы вдвое быстрее.

И вот мы сидели вдвоем и потрошили крабов.

Когда корабль наконец выбрался на пространство, свободное от растений, Десперандум решил измерить глубину. Он хорошо подготовился — на палубу вынесли бухту керамического

лотлиня, ручную лебедку и свинцовую болванку. Захлестнув вокруг грузила конец троса и отправив его за борт, капитан достал черную тетрадку.

Из-за мачты за ним внимательно следил Мерфиг. Заметив, что я наблюдаю, как он наблюдает за Десперандумом, он некоторое время косился на меня. Смешно. Замер показал семьдесят пять футов. Десперандум, улыбнувшись, отметил это в своей книжечке. Внезапно на его бородатом лице отразилось сомнение. Он пересек палубу и спустил грузило с другой стороны. Полмили. Похоже, судно оказалось над краем какой-то трещины. Любой другой на месте капитана принял бы это объяснение и успокоился. Но Десперандум с упрямством настоящего ученого повторил первый замер и получил глубину чуть меньше шестисот футов.

Повтор второго замера дал восемьсот футов.

Десперандум, помрачнев, вернулся туда, откуда начал. Он выпустил весь линь, что был в бухте — порядка двух с половиной миль, но до дна так и не достал. На то, чтобы смотать его обратно, ушел час. Капитан, все это время нетерпеливо мерявший шагами палубу, кинулся к другому борту.

На глубине девяти тысяч футов трос обвис. Когда его стали вытягивать, выяснилось, что он аккуратно обрезан на отметке в семь тысяч. На лице Десперандума, распирая маску, вздулись желваки. Я предпочел убраться на камбуз, тем более что приближалось время готовить ужин — он обычно проходил на закате, в отраженном от скал свете. Не успел я свериться с перечнем продуктов для сегодняшнего вечера (меню у меня составлено сразу на неделю вперед), как скрипнул люк. Я ожидал, что это Далуза вернулась с облета, и приготовился сказать какую-нибудь ласковую глупость, однако это оказался Мерфиг.

При виде его я отчего-то смутился, но вовремя сумел взять себя в руки. Я ведь так и не понял, что ему известно о наших играх с синкопином, и не смог придумать способа выведать хоть что-нибудь, не выдав остального.

— Чем обязан? — поинтересовался я.

— Поговорить зашел, — отозвался он, стягивая мишеневую маску. — Я получил ваше послание в Арнаре. То, что вы передали через девушку.

Мысленно я вернулся на две недели назад. В самом деле, передал. А я-то думал, мне это приснилось. Я там вроде извинялся за что-то…

— Верно. Мне неловко было, что я тогда вмешался в вашу беседу с капитаном.

— Что вы о ней думаете? — спросил он, оживившись.

— Похоже, он не в восторге был от ваших идей.

— Благодарю вас, — разочарованно протянул Мерфиг. Глаза у него были как два осколка коричневого стекла, волосы в ноздрях ровно подстрижены. Его выговор отличался от обычного сушняцкого, напоминая скорее галактический. Происходил он явно не из низкого сословия — наверняка его родители занимали почетные посты в государстве, либо церкви.

— Вы видели результаты сегодняшних замеров. Что скажете?

— Очень странно.

— Зато очень хорошо вписывается в мою теорию. В последнее время я много размышлял о Кратере. Об атмосфере. Представьте, что когда-то на Сушняке была атмосфера. Вспышка на солнце уничтожила ее. Представьте, что на планете к тому времени уже жили разумные существа и они все предвидели. Они вырыли себе убежище, огромное, для всей своей цивилизации. Гигантское убежище, со стенами высотой в семьдесят миль и толстым слоем пыли для защиты от радиации. Со временем Древний Народ приспособился к жизни в пылевых глубинах, они уже не могли выходить на поверхность. Представьте, что им удалось перестроить свою физиологию для жизни без воздуха… Когда-то они были очень сильны. Вы же знаете, Цивилизация построила свои поселения на самом верху. Они не решились спуститься вглубь кратера, опасаясь… того, что внизу. А теперь они намного слабее. Им нужен только покой. Они никому не хотят причинять зла, но тех, кто подходит слишком близко, они убивают — быстро и незаметно. За те пять веков, что здесь живут люди, скопилось множество слухов, легенд, неподтвержденных свидетельств, тайн океана, хотя ничего достоверного среди них вы не найдете. Может, они уходят, а может, просто спят. Но они существуют, это точно!

Пока он говорил, лицо его раскраснелось от возбуждения. Закончив, он со вздохом уселся на стул.

— Мерфиг, — сокрушенно признался я, — это самая дурацкая бредятина, которую мне только доводилось выслушивать.

Я думал, он кинется на меня с кулаками, но он просто схватил маску и, сверкнув глазами, выбежал вон.

9. Новая беседа с наблюдателем

После ужина, главным блюдом которого, несомненно, явился крабовый суп, на камбуз заглянул юнга Меггль с известием, что меня ждет капитан. Десперандум сидел во вращающемся кресле за заваленным бумагами столом. Единственная масляная лампа под потолком отбрасывала на широкое бородатое лицо капитана дрожащие тени.

Он оторвался от работы и закинул руки за голову.

— Ты, Ньюхауз, последнее время интересовался наукой, верно? — без предисловий начал он. — Вот я и решил разъяснить тебе, что произошло сегодня и как это следует понимать.

— Польщен вашим доверием, сэр.

— Попробуем беспристрастно рассмотреть имеющиеся факты, — приступил Десперандум несвойственным ему лекторским тоном. — Леска останавливалась несколько раз на различной глубине, а затем была перерезана. О чем это может говорить?

— Кто-то играет с нами? — попробовал угадать я.

Капитан свирепо зыркнул на меня и оставил мое предположение без комментариев.

— Я тут произвел необходимые расчеты, — продолжил он, обведя рукой гору бумаг на столе. Я подошел поближе.

— За основу вычислений я взял свойства гранулированной скальной породы. Стоит отметить, что я рассматриваю плотность камня, а также электростатические и химические связи в нем как функцию площади поверхности. Я подставил данные в известную формулу, описывающую изменения в геологических структурах под воздействием внешних факторов.

Я никак не мог вникнуть в его каракули.

— Оказалось, что в Море Пыли имеют место процессы более сложные, чем предполагалось ранее, — Десперандум разгорячился. — При определенных условиях, которые невозможно воспроизвести на поверхности, пыль оказывается спрессована до плотности камня, причем образования принимают вид длинных и плоских горизонтальных полос. Эти пласты крайне нестабильны, они постоянно перемещаются и разрушаются. Но их вполне хватает на то, чтоб остановить глубиномер, а их края — острые и твердые, как кремень. Они разрежут все что угодно.

— Вон оно что… — наконец до меня дошло, что бумаги, на которые я все это время пялился, сплошь усеяны цифирью без малейшего намека на вычисления. Я видел несколько знаков

умножения тут и там, пару больших интегралов, но они никак не соотносились со всем остальным. Никаких результатов и в помине нет, только разрозненные числа — большие числа, миллионы и миллиарды, словно каждый разряд увеличивал значимость записей, помогая их создателю крепче уцепиться за реальность. Бессмысленные, случайные наброски.

— Именно, — подытожил Десперандум. — Есть также косвенные доказательства. Не исключено, что подобный феномен служит причиной необычайно сильных течений. Представь, что случается, когда барьер между разнотемпературными слоями внезапно исчезает. Возникшая турбулентность способна породить даже бурю.

— Звучит убедительно, — заверил я. Мы с капитаном обменялись недоверчивыми взглядами.

Глубоко заполночь я проснулся от шепота шагов по лестнице. Никто другой не мог так ступать — только Далуза.

Открыв глаза, я почти ничего не увидел: темнота, заполнявшая камбуз, клубилась неясными фиолетовыми пятнами, да сквозь открытый люк заглядывала еле различимая звездочка.

Ночи в Море холодные: пыль держит тепло хуже, чем вода. Я поежился и натянул свое старое шерстяное одеяло до подбородка.

— Далуза, — позвал я, удивившись звуку собственного голоса.

— Я ненадолго, — отозвалась она. Я услышал, как она приблизилась ко мне. Похоже, она видела в темноте лучше меня — или чувствовала тепло, или ей хватало света одной-единственной звезды. Как бы там ни было, она легко добралась до моего матраса, поправила одеяло и устроилась рядом, примостив голову у меня на плече. Сквозь тонкую преграду я ощутил жар и невесомость ее тела.

Сердце заколотилось, и я постарался отвлечься:

— Как тебе сегодняшнее представление с измерением глубины?

— Старый спектакль, — пробормотала она, забираясь на меня и просовывая руку под одеяло.

Мне отчаянно захотелось дернуть Пламени, но я не сдавался:

— О чем ты?

— Я же с ним третий рейс. Он это проделывал раз двадцать, и всякий раз бестолку. Иной раз по полдня убивает — но двух одинаковых измерений еще не случалось.

— В каждом рейсе?

— Ага. Сменит всю команду, кроме меня, и снова за старое.

Я расхохотался так, что Далуза чуть не свалилась. А что мне еще оставалось — или посмеяться, или напиться. Учитывая мое

положение, уместен был лишь первый вариант.

— Пора бы ему завязать с этим. Чего он уперся?

Далуза потянулась, и я не увидел, а почувствовал, как ее лицо застыло в паре дюймов над моим. Ее горячее, нездешнепряное дыхание коснулось моих губ.

— А ты не думал, что, возможно, капитан не в своем уме?

Мне показалось, что я уже слышал нечто подобное.

— Только не говори мне, что у него мания.

— Но ведь так оно и есть, — удивилась она. — Ты же знаешь, что у глубоких стариков тяга к смерти непреодолима, хотят они того или нет. Но считается, что можно продолжать жить, если у тебя есть цель, столь значительная, что каждая клеточка твоего тела знает о ней и живет ради нее.

Я потянулся обнять ее, но наткнулся на расправленные крылья, тянувшиеся по бокам до самой поясницы. Пришлось сомкнуть руки у нее на ягодицах.

— Этого и хочет Десперандум, — продолжала Далуза, делая вид, что ничего не заметила. — Жить, жить и жить. Но себя не перехитришь. Когда воюешь сам с собой, от пораженья не уйти.

Я раздвинул колени, чтобы Далузе было удобнее. Она ткнулась подбородком мне в грудь и прошептала:

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Это по-прежнему было правдой.

Некоторое время мы молчали.

— Я слышу, как в тебе кровь ходит, — сказала она.

На несколько минут я совершенно потерялся, а затем меня заполнила доселе неведомая, пугающая смесь вожделения и гнева, нашедшая выход в боли — я до хруста сжал локоть Далузы, и ее сдавленный крик прозвучал для меня музыкой. В тот же миг я осознал дикость своих действий и выпустил ее. Она чуть отстранилась и тихонько всхлипнула.

— Я не получил от этого удовольствия, — выговорил я, придя в себя. — Ни малейшего…

Мои признания оборвались на полуслове — Далуза двинула меня в живот, вложив в удар всю силу своих летательных мышц. Я захлебнулся, а перед глазами заплясали красные сполохи.

— Так лучше? — участливо поинтересовалась она.

Я сжал кулак, намереваясь как следует врезать ей, но вдруг понял, что мне действительно стало легче. Впервые я получил удовольствие от боли.

— Ты чуть не убила меня, — сказал я.

— Прости, — виновато отозвалась она, — но ты же первый начал. Я решила, что тебе хочется именно этого. Пожалуйста, не сердись.

Я задумался.

— Мы разные, — наконец сказал я. — Не думай, что я собираюсь страдать вместе с тобой. Я не вскрою себе вены, Далуза, ни сейчас, ни потом. Если тебе это не нравится — лучше нам сразу разбежаться.

— Там видно будет, — прошептала она, и ее густые волосы защекотали мое лицо.

10. Летучие рыбы

Следующие несколько дней я почти безвылазно провел на камбузе. Немало времени потратил на изучение особенностей сушняцкой кухни, предвкушая, как по возвращении ошарашу друзей каким-нибудь замысловатым туземным блюдом. Кончилось тем, что Далуза, прибираясь, ненароком смахнула в кан с почти готовым обедом банку какой-то пряности, по виду напоминавшей сушеную редиску. Едва отведав этого неожиданного произведения, я часа два не мог перебить вяжущий вкус во рту, от которого буквально сводило челюсти. Естественное желание — выплеснуть отраву за борт — мне в последний момент удалось побороть. Матросы не проявили ни малейшего недовольства и, по обыкновению, вычистили тарелки до блеска. Если бы на Сушняке росли деревья, я бы обязательно попробовал подсунуть им опилки. Ветер ушел — мы приблизились к экватору. Полоса почти полного штиля протянулась в обе стороны до самых стен кратера. Здесь пролегала граница двух воздушных течений, определявших климат Сушняка. Воздух стал чище, открыв взгляду дрожащую в жарком мареве поверхность пыли. Стоило прищуриться, и начинало казаться, что «Выпад» покоится в бескрайнем море ртути. Небо, непривычно синее над головой, ближе к горизонту приобретало пурпурный оттенок, а низкая гряда утесов далеко на западе казалась фиолетовой. Нам пришлось поднять все до единого паруса, даже на самом верху, где реи не толще ручки метлы, полоскали крохотные брам-лиселя. Едва уловимое дуновение толкало нас вперед, и корабль нехотя подминал милю за милей. Я просто плавился под маской, приходилось постоянно встряхивать головой, чтобы пот не застилал глаза. Команда не испытывала подобных неудобств — брови у местных куда гуще моих. Спрятавшись в тени, я рассеянно водил взглядом по пыли, все еще во власти принятого по утру Пламени. В этом есть своя прелесть, думал я, и даже принялся было слагать поэму о том, что видел. Впрочем, вскоре мне это наскучило.

Далуза вернулась с облета и скользнула надо мной; слабый ветерок коснулся моих волос. Я махнул в ответ. Мне пришло в голову, что она по-своему загорела — на солнце ее кожа становится все бледнее. Что же, в этом смысла больше, чем в том, как загораю я сам. Все-таки белая поверхность лучше отражает свет. Я осторожно выглянул из своего укрытия и с облегчением убедился, что Мерфига поблизости нет. Отчего-то мне представилось, что он околачивается неподалеку, наблюдает.

Попробовать, что ли, подружиться с ним? Он хваткий малый, пусть с заскоками, но голова у него варит. Если представить, что Десперандум пойдет вразнос, от помощников-подпевал и тупорылой матросни толку не дождешься. Они скорее отравят собственную мать, чем осквернят свои души помыслом о бунте. Калотрик тоже не в счет. С тех пор, как я не позволил ему заначить часть Пламени, мы на ножах — в очередной раз я убедился в этом вчера, когда он приперся заряжать три своих пакета. К тому же парень вконец опустился — волосы сбились в грязный колтун, молнии на маске облезли. Доверять ему нельзя.

Конечно, и вдвоем капитана не утихомирить, а вот убить, пожалуй, получится. Если воспользоваться гарпунами. За Далузу я тоже не мог поручиться. Она любит меня, спору нет. Но что это значит? Насколько любовь важна для нее? Ответа я не знал, поскольку она наотрез отказывалась обсуждать свое прошлое. Далуза пленила меня, но не ослепила.

В тот же день мы забили двух китов и опустили за борт шесть яиц. На ужин я приготовил китовые отбивные, отвратительные на вкус. Утром следующего дня на юге показалось облако. Ничего хорошего это не предвещало, ибо на Сушняке не встретишь тех милых облачков из безобидного водяного пара, коими украшены небеса приличных планет.

— Что вы на это скажете, мистер Флак? — спросил капитан, передавая бинокль первому помощнику.

— Летучие рыбы, сэр, — отозвался немногословный китобой.

— Славно, просто славно, — оживился Десперандум. — Мистер Флак, организуйте двоих помочь мне с оборудованием. Остальных — вниз.

Два матроса взялись выносить из капитанской каюты устройства слежения; остальные поспешно спускались в убежище. Прежде, чем отправиться за ними, я огляделся в поисках Далузы. Видно ее не было. Заглянув на камбуз, я с облегчением убедился, что она уже там. Я занял стул у входа, мимо подтягивались опоздавшие. Одарив меня застывшим желтозубым оскалом, прошел Калотрик. Пока матросы рассаживались вдоль стен, я спорил сам с собой, не пора ли принять небольшую дозу. Сторона, выступавшая за, одерживала верх, когда в люке показалась маска Флака.

— Коку явиться на палубу, — без выражения произнес он.

Я подчинился. Десперандум с двумя матросами натягивал между мачтами сети. Перед ними, на расстоянии нескольких футов друг от друга, стояли шесть коробок, увенчанных проволочными тарелками радаров. Спутанные красные и синие провода тянулись к небольшому укрытию, собранному прямо на

палубе из металлических листов. С южной стороны поблескивало узкое оконце толстого стекла. Паруса свернули и убрали; даже при желании мы уже не успеем разминуться с надвигающейся стаей.

— Все вниз, — приказал Десперандум, закончив с работой.

Оба матроса, не теряя времени, нырнули в люк и захлопнули крышку. Туча на юге достигла устрашающих размеров.

— Ньюхауз! — позвал капитан. Я подошел и отдал честь. — Прошу сюда, — он отворил низкую дверцу в одной из стен коробки и мы втиснулись внутрь. Десперандум щелкнул выключателем, на потолке замерцала тусклая лампочка, загудели воздушные фильтры.

Большую часть каморки занял сам капитан. В углу приткнулся столик, на котором я заметил бинокль и осциллограф; две белых точки, подергиваясь, медленно двигались сверху вниз. Из ящика стола Десперандум выудил записную книжку и ручку и протянул их мне.

— Можешь снять маску, — подбодрил он, — воздух уже очистился.

Я сунул маску в стол.

— Полагаю, ты умеешь писать?

— Разумеется, капитан.

— Хорошо. Я буду диктовать числа, а ты будешь заносить их в колонку «особи». Все ясно?

— Да, сэр. — Я примостил блокнот на сгибе левой руки и приготовился.

— Два, — начал Десперандум. — Еще несколько минут мы будем на краю стаи, так что сильно не напрягайся, однако будь начеку. Хочешь взглянуть поближе, пока не началось?

Не дожидаясь ответа, он передал мне бинокль. Пригнувшись, чтобы выглянуть в смотровую щель, прорезанную по росту капитана, я подстроил резкость. Облако распалось на тысячи рыбин с тонкими, ярко взблескивавшими крыльями. Они ныряли из стороны в сторону в каком-то броуновском танце.

— Будто бабочки, — вырвалось у меня.

— Что такое бабочка?

— Земная фауна. Шестиногие беспозвоночные с разноцветными крыльями. Иногда тоже путешествуют стаями.

— Они обитают в воде?

— Нет, сэр.

— Аналогия, возможно, заслуживает внимания, — пробормотал он. — Восемьдесят семь.

Я записал. На экране пульсировал рисунок, образованный бешено мельтешившими точками. Десперандум быстро

зарисовывал основные формы в своем блокноте.

— Посмотри, сколько мы поймали, — распорядился он. Я склонился к окну.

— Э… капитан…

— Что такое?

— Они там изорвали сеть в клочья. У них крылья как лезвия.

Кровь отлила от лица Десперандума. Он кинулся к щели и крякнул, словно его ударили в живот. Потом с озабоченным видом вернулся к прибору и нажал пару кнопок.

— Триста девяносто три, — продиктовал он.

Звякнув, за наше укрытие задела рыба. Капитан поморщился. Раздалось еще несколько ударов. Похоже, передовые отряды уже над нами.

— Один четыре девять четыре три, — зачастил Десперандум, сам что-то лихорадочно записывая. Экран кишел точками. — Мы что, так ни одной и не поймали? — рявкнул он.

Я выглянул и тут же отпрянул, когда одна из рыб, в фут длиной, врезалась прямо в стекло.

— Нет, сэр, — доложил я. — Сети валяются на палубе. Хотя у бизани упало несколько штук. Секундочку… нет, они уже улетели.

— Пять пять шесть два семь, — продолжал капитан. Ощутимо потемнело. Не удивительно, их там миллионы. — Ладно, обойдемся, — утешал себя Десперандум. — Нам пока достаточно данных, полученных с радаров. Я знаю, они нерестятся за Крошащимися Островами, мы просто придем туда и возьмем, сколько надо.

— Это значительное отклонение от курса, — опрометчиво возразил я.

— Буду очень признателен, если вы вспомните, кто из нас капитан.

— Прошу прощения, сэр, я забылся.

— Два ноль пять, восемь восемьдесят три.

По крыше теперь колотил настоящий град, рыбы десятками налетали и отскакивали.

Внезапно часть экрана потемнела — слева образовалась узкая вертикальная полоса. Десперандум озадаченно нахмурился и принялся тыкать в кнопки своим толстым пальцем. Полоса оставалась на месте.

— Должно быть, они перерезали провода у одного из радаров, — решил он, — теперь все значения придется увеличивать на одну шестую. Пометь это у себя. Один восемьдесят пять, девять сорок один.

Я присмотрелся к происходившему на экране. Яркие точки

целыми группами уходили из области наблюдения и гасли. Обратно они не возвращались.

— Что они там делают? — Десперандум выглянул в оконце. Сразу три рыбины, сверкнув тонкими прозрачными крыльями в красно-желтых разводах, врезались в стекло. Капитан отскочил.

Помертвела еще часть экрана.

— Один ноль один три два… Их действительно стало меньше или они уходят в мертвые зоны?

— Снаружи вроде стало почище, капитан, — сообщил я.

— В сетях ничего?

— Нет, сэр. Но несколько десятков упало у радаров, одна не шевелится. У нее крылья как-то сморщились, похоже, ее ударило током. О! Большая группа прошла на бреющем. Они опрокинули радар!

Я повернулся к экрану — показания тарелки, смотревшей теперь прямо в небо, разрушили целостную картину — появилась полоса, в которой точки беспорядочно появлялись и исчезали.

— Мы слепнем! — воскликнул Десперандум.

— Похоже, они специально атакуют приборы, — предположил я. Погасла еще часть экрана.

— Точно. Наверняка, они сами ориентируются способом, похожим на радарный. Наши сигналы сбивают их толку, и они летят прямо на источник излучения. Интересно взглянуть на их оборудование…

Вышел из строя еще один радар. Я выглянул в окно:

— Остались только первый, четвертый и пятый, капитан. Там же, кстати, и все рыбы, возле остальных чисто. Хм, и та рыба не убита, капитан. Она пытается взлететь.

— Я обязан получить хоть одну, — угрюмо заявил Десперандум, щелкнув выключателем монитора. — Надевай маску, Ньюхауз. Я выхожу.

— Не надо, капитан! — крикнул я, лихорадочно шаря в столе. — Они разрежут вас на куски.

— Не пытайся меня остановить, — вспылил Десперандум, — если я хочу что-то узнать, никто не вправе стоять у меня на пути.

Небрежным движением он смахнул меня в сторону. Я приложился об стену так, что из глаз брызнули искры. Поспешно натянув маску, я, как мог быстро, захлопнул за капитаном дверь. Где-то рядом послышался шелест крыльев. Одной из этих проклятущих тварей удалось-таки пробраться в кабину. Я огляделся. Что-то коснулось руки; краем глаза я заметил желто-красную вспышку, наугад взмахнул блокнотом — и рыба с треском впечаталась в стену. Изувеченная, но еще живая, она соскользнула на пол: один глаз вытек, крылья переломаны, но по-

прежнему угрожающе топорщатся, а края их все так же чертовски остры. Очень похожа на бабочку. Я видел однажды такую в книге.

Рукав оказался распорот чуть выше локтя — аккуратный разрез в два дюйма длиной, но кожа не задета. Придавив бестию блокнотом, я бросился к окну проверить, как дела у капитана.

Он успел где-то подобрать лопатку и теперь орудовал ею, словно мухобойкой. Рыбы не обращали на него внимания; те немногие, что еще оставались, с оскорбительной легкостью огибали его и одна за другой улетали вслед удалявшейся стае. Десперандум вертел лопаткой как заведенный, но тщетно — дьявольские создания уворачивались от лезвия, проходя буквально на волосок от него. Внезапно одна из рыб ринулась вниз. Я подумал было, что она промахнулась, но в следующий миг заметил, как на шее Десперандума проступает алая полоса. Капитан взвыл и прямо рукой сбил обидчицу на палубу, изрезав себе пальцы. Не дав рыбе опомниться, он подпрыгнул и раздавил ее всмятку. Кровь из раны на шее скатывалась ему за ворот. Стремительным выпадом он сразил и тут же размазал по палубе еще одну. Затем погнался за небольшой стайкой, ухитрившись разрубить одну рыбину на лету; ее голова скатилась за борт. Из ниоткуда появилась новая тварь и полоснула его по руке. С нечеловеческим проворством Десперандум выхватил ее из воздуха и раздавил в кулаке. Крови на палубе заметно прибавилось. Остальные сочли за благо набрать высоту и не связываться с капитаном — в самом деле, потребовались бы сотни таких царапин, чтобы причинить ощутимый вред человеку его комплекции.

Наконец, не осталось ни одной. Я приоткрыл дверь и глянул вслед удалявшейся орде. Отставшие изо всех сил спешили занять место в строю. Десперандум, не обращая внимания на раны, смотрел им вслед, пока стая не растворилась вдали. Лопатка, дребезжа, покатилась по палубе; капитан приблизился к укрытию.

— Теперь у нас есть несколько экземпляров, — сообщил он. — К несчастью, их головы повреждены. А ведь именно там, скорее всего, и помещаются радарные органы. Какая жалость.

Он зашел в кабину и начал отсоединять провода. Я зажмурился и ненадолго приснял маску, успев проговорить на выдохе:

— Одна залетела сюда, капитан. Я ее поймал.

На вдохе у меня засвербело в носу и я оглушительно чихнул.

Десперандум с лязгом захлопнул дверь и включил фильтры.

— Вот как? И где же она?

Я подождал, пока воздух очистится, снял маску и продолжил:

— Думаю, она еще жива. Вон, под блокнотом.

— Где-где? — Он оглянулся, отступил на шаг, и — хрусь! — его тяжелый кованый башмак опустился точно на блокнот. Я вздрогнул.

— Вот незадача, — с неподдельным сожалением посетовал Десперандум. Он приподнял блокнот и сочувственно рассмотрел сплющенные останки. — Ничего не разобрать. Не везет, так не везет. Да, Ньюхауз, я хочу извиниться за то, что накричал тут на вас. Я был малость не в себе.

— Понимаю, сэр. Я ведь сам напросился.

— Нет-нет, я ценю откровенность. И вы правы — команда не одобрит, если мы сойдем с курса. Китов там считай что нет, для них это будет пустой тратой времени. А недовольство на корабле — это не то, что нам нужно, верно?

— Как скажете, сэр.

— Вы свободны. Передайте там, что опасность миновала. И скажите судовому врачу, чтоб заглянул ко мне в каюту.

— Будет сделано, сэр. — Я вышел.

Днем я заметил, что Далуза не отрываясь смотрит на пятна засохшей крови. Ночью, когда все, кроме вахтенного, спали, я отдраил палубу песком.

11. Утес

Десперандум быстро шел на поправку, хотя порезы на руке все еще его беспокоили. От повязок капитан отказался, выставив на всеобщее обозрение паутину черных от йода швов, наложенных первым помощником.

Продолжая двигаться на север, мы миновали условную середину своего похода — Крошащиеся Острова, славящиеся своими гидропонными плантациями. Здесь выращивалось девяносто процентов сушняцкого табака и более половины зерна для пивоварения. К берегу мы приставать не стали, правда обменялись приветствиями с несколькими торговыми судами и креветколовом. У какого-то старика я купил новый перочинный ножик.

Старый мне пришлось выбросить после знакомства с клеем в потайном отсеке «Выпада». Иногда я подумывал о том, чтобы прямо спросить Десперандума о тайнике — кто знает, вдруг он и сам понятия не имел о двигателе, пропеллере и баллонах с кислородом. Но в конце концов решил поостеречься… Мы загарпунили еще четырех китов, так что работы хватало. Без акул, ясное дело, не обошлось. Местные твари слегка отличались от тех, что обитали у полуострова Чаек, однако уже знакомые нам злобные оскалы, летучие рыбы-навигаторы и незвериный ум имелись и здесь. Позабыв о ранах, Десперандум кидался в бой наравне с остальными, и без устали мотал лопаткой из стороны в сторону. Акулы опасались приближаться к нему, но однажды летучая рыба, избегнув сетей Далузы, оттяпала капитану кусок уха. Десперандум сбил обидчицу на палубу и растоптал всмятку, после чего старался целить акулам по глазам. Ослепнув, они теряли осторожность и яростно таранили борта «Выпада», выпрыгивали из пыли и грызли перила. Покончив с перилами, они кусали все, что ни попадалось. Команде пока что удавалось не попадаться: при виде того, с каким остервенением рубится капитан, матросы предпочитали держаться в стороне. Впрочем, у лишившихся зрения акул времени почти не оставалось — как правило, Десперандуму хватало двух секунд, чтобы скользкой от крови лопаткой довершить начатое. Вскоре мы достигли еще одной вехи своего пути. На горизонте постоянно виднелись утесы — будто крепости, с древних башен которых в сумерках стекал розовый перламутр отраженного света. Сейчас же мы приблизились к пятидесятимильному подножию наиболее отвесной стены сушняцкого кратера, к чуду природы, обычно именуемому просто «Утес».

Высота Утеса — семьдесят миль. Словами этого не передашь. Пожалуй, я мог бы рассказывать часами, но так и не выразить того потрясающего воздействия, которое оказывает на наблюдателя семидесятимильный колосс. И все же я попытаюсь. С какой скоростью человек способен карабкаться по скале? Мили две в день? Пусть будет две мили. Читатель, поднявшись на две мили, вы не покорили бы даже валунов, что громоздятся у основания Утеса. К концу второго дня восхождения вам станет трудно дышать. С кислородной маской вы осилите еще милю. После придется облачиться в космический скафандр. Прежде, чем вы доберетесь до середины, на дневном небе зажгутся звезды. Через месяц вы будете ступать по камням, которые за последние четыре миллиарда лет не тревожил никто. Там, наверху, все очень старое, очень холодное и очень мертвое. Нет ветра, способного шевельнуть пыль, копившуюся на протяжении бесчисленных эпох. Нет ручьев, торящих русло, нет росы, замерзающей в трещинах скал, нет ни мхов, ни лишайников, что с терпеливым упорством, будто чувствительными пальцами, шарят по склону в поисках крохотных зацепок. Может, раз в десять лет струйка пыли неслышно скользнет меж древних камней вниз, к безводному морю.

И все же, рано или поздно, вы добрались бы до самой вершины. Вы оказались бы на безвоздушной пустоши, в окружении истерзанных, раздробленных камней, этих безгласых свидетелей безумной жары и убийственного холода. Оберните и взгляни назад, читатель. Ты видишь кратер? Широкий, округлый и величественный. Там, внизу, над морем пыли блестит на солнце океан воздушный. Почти миллион человек живет на дне этой гигантской дыры, этого невероятного кратера, этого единственного широко раскрытого глаза на пустом лике планеты.

— Еще два месяца, — сообщил я Далузе, поглаживая ее сквозь одеяло, — и мы вернемся на Остров, на твердую землю… — Она замурлыкала в ответ, и я улыбнулся ей в полутьме.

— Ты говорила, что хочешь убраться с этой планеты… — продолжил я.

— Да.

— Я тоже жду не дождусь. Так вот, вскоре после возвращения я разживусь хорошими деньгами. — Примерно через четыре месяца, прикинул я. С запасом хватит, чтобы известить торговцев Пламенем на Мечте о том что здесь творится и о моем последнем улове. Пара пакетов моего забойного зелья — и они будут землю рыть, лишь бы залучить меня к себе. Рано отчаиваться — я знаю химиков с Мечты, которые наверняка сумеют синтезировать Пламя. А то и улучшить.

— Куча денег. И мы сможем улететь отсюда. Вдвоем.

Она промолчала.

— Верно, наше положение выглядит незавидным, — я сделал ударение на «выглядит», — но с деньгами мы сможем все на свете! Например, изменить твой метаболизм, или, если это окажется слишком сложным, я изменю свой. Мы будем жить вместе долгие годы, а может — столетия. Если захочешь, заведем детей.

Никакого ответа. Испугавшись тишины, я снова заговорил:

— Я чувствую, между нами есть что-то, какая-то связь, которая может стать очень прочной и очень долгой, — не унимался я. — Не знаю почему, но я люблю тебя, люблю безумно, и именно поэтому…

Я сунул руку под одеяло и достал кольцо, из тех, что захватил с собой в путешествие. Кажется, я уже говорил о своей страсти к собиранию колец. Этим я особенно дорожил: небольшое терранское земноводное из серебра; одна из четырех мощных и длинных лап вытянута дугой и касается головы.

— … я дарю тебе это кольцо. Это часть старинного терранского обряда, называемого «обручение». Надев его, ты подтвердишь, что мы вверяемся друг другу и больше никому.

— Очень красивое, — хрипло отозвалась Далуза. Подняв взгляд, я увидел, что на ее лице поблескивают слезы. Это окончательно меня растрогало — всю жизнь думал, что «плакать от счастья» — не более чем поэтическая вольность.

— Погоди, не надевай, — спохватился я, — его еще надо прокипятить.

— И, когда я его надену, мы будем официально обречены?

— Обручены, — поправил я.

Неожиданно Далуза разрыдалась.

— Я боюсь, — всхлипывала она, — боюсь, что ты меня разлюбишь, разлюбишь и бросишь. Однажды ты посмотришь на меня и поймешь, что во мне нет ничего особенного. И как я тогда буду жить — без тебя?

— Такого никогда не случится, — заверил я. — Пока я жив, я буду любить тебя, я это знаю твердо. Видит Бог, все меняется, и я, и ты, но у нас впереди — много лет, века. Придет время — и ты решишь, что делать дальше.

— Я боюсь…

— Все будет хорошо, обещаю, — я приподнялся. — Давай все-таки прокипятим кольцо. Тогда ты сможешь его надеть.

Далуза встала и смахнула слезы.

— А куда мы полетим?

— На Мечту. Тебе там понравится. Там до сих пор остались

необжитые места — очень строг контроль над рождаемостью. И климат мягкий. Я жил там до того, как перебрался сюда. У меня там много друзей.

— А если они нас не примут?

— Тогда они перестанут быть моими друзьями. Мне… нам будет хорошо и без них. — Я плеснул в сковороду несколько унций воды, поставил на огонь и опустил туда кольцо.

— Хватит хмуриться, Далуза, — подбодрил я. — Ну, как мы умеем улыбаться? Вот, совсем другое дело. Хочешь, мы закатим настоящую терранскую свадьбу, самую что ни на есть традиционную. Сомневаюсь, правда, что на Мечте отыщется подходящий священник, но монотеиста, согласного исполнить нужные обряды, мы наверняка найдем. А после операции мы заживем как настоящая семья, вот только мало кому из мужей повезло с такой красавицей-женой, как ты. Теперь она улыбнулась по-настоящему.

— И ты, и я — не вполне нормальные люди, — продолжил я, приглядывая за кольцом, — но из-за этого не обязательно страдать. У нас есть право жить без мучений и боли, как и у любого другого. Без всех этих ожогов, без крови.

Щипцами я выудил кольцо из кипящей воды и помахивал им в воздухе, чтобы остыло.

— Может, нам не стоит торопиться? — проговорила Далуза, не отрывая глаз от кольца. — Вдруг, когда мы сойдем на берег, когда ты снова встретишь обычных женщин, ты меня забудешь? — В ее голосе сквозило отчаяние.

Внутренне я нахмурился, но виду не подал:

— За себя я спокоен. Кольцо уже остыло. Готова?

Она взяла его.